

Весь год борясь с убожеством, автор перечисляет в благотворительный фонд содействия решению проблем аутизма «Выход».

#ДЖОН ШЕМЯКИН

Звезда соцсетей:
более 60 000
восторженных
подписчиков!

ДИКИЙ БАРИН

В ДИКОМ ПОЛЕ

Этот автор ни на кого не похож,
в первую очередь на человека.
Представьте себе, что в Фейсбук пишет
Зощенко, но не сам Михаил
Михайлович, а его авторский персонаж.
Только маски Джона Шемякина
многообразней и меняются чаще.

Александр Генис

Джон Шемякин

**Дикий барин в диком
поле (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шемякин Д. А.

Дикий барин в диком поле (сборник) / Д. А. Шемякин — «АСТ»,
2016

ISBN 978-5-17-099949-1

«Очень многие в последнее время стали задавать мне вопросы, связанные с родом моей деятельности. Для меня такое любопытство кажется странным. Люди не верят, что чтение псалмов на паперти взаправду может кормить! Любой Шерлок Холмс может подойти ко мне, хрустя пустыми ампулами с семипроцентным раствором под ботинками на пуговицах, и сразу же догадаться, кто я такой и чем зарабатываю себе на кусок горького хлеба и кружку дождевой воды. Раз в тельняшке – значит, моряк. Деревянная нога, подсыхающая у камина, говорит о том, что моряк я не очень хороший, но с богатым прошлым, скорее всего боевым. Где у нас была война последний раз? Значит, боевой моряк из Кандагара. Любит сидеть на стульях верхом, значит, кавалеризмом занимается. Боевой моряк-кавалерист из Кандагара. Часто матерится. Известное дело, гуманитарии. Татуировка «Саша» на тыльной стороне ладони помогает понять, что зовут меня Саша. А сердце, пронзенное стрелой, под синим именем – что я очень эгоистичный, самовлюбленный Саша... Я люблю, когда интрига». Джон Шемякин

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-099949-1

© Шемякин Д. А., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Житейския истории	7
Лыжи	7
Комсомольские взносы	9
Прошлое	12
Романтик	13
Игрушки	15
Кукуруза	17
Телефонный разговор	18
Радар	20
Кожаный плащ	22
Две Земли	24
Археолог	25
Быль	26
Девушка с кладбища	28
Про цирк и дядю	29
Роддом	31
Деньги	33
Окурки	35
Краевед Краснов	36
Дикий барин в офисе	38
Повязывая галстук	38
Традиции	39
Ежедневники	40
Как Шелленберг	41
Барин занят	42
Молодежь	43
Ассистент	44
Секретарь Лена	46
Стратегия	48
Барин занят – 2	49
Ворона	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джон Александрович Шемякин

Дикий барин в диком поле

© Д. Шемякин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Житейские истории

Лыжи

Носился на лыжах, собирая на склонах кровавую жатву.

Мне бы санки шипастые, меж шипов проволочка чтоб стальная, булатные полозья в хищном узоре, а спереди саночек-разрезалочек рогатый череп пусть скалится на трезубце. В руку бы мне косу, в другую же кистенёк. Я бы тогда человек на пять больше уделал на спуске.

А раньше я на лыжах ходить, спускаться, бегать и пр. не любил. Мне государство выдавало лыжи бесплатно. В моём лесостепном историческом техникуме, например. Исторический техникум надеялся, что лыжные кроссы укрепят мою мужественность, подготовят меня к защите родного края или, напротив, защите трудящихся края чужого.

В школе наш класс учили бросаться в самоубийственные штыковые атаки, метать гранаты, отличать по запаху отравляющие газы, по цвету-яркости – атомный взрыв от водородного, по звуку – работу танковых моторов «Леопарда» от «Т-60».

Во дворе нас учили допрашивать, вешать и расстреливать пленных. На улицах – диагностировать переломы и вправлять выбитые челюсти. Дома – копить сухари, крупы, спирт, лекарства, сахар. В очередях приучали к терпению у комендатур и пунктов эвакуации. В гостях – нажираться на грядущую зимовку, сгребая недоеденное в карманы и шапки. В кино и банях случались облавы. В театре «Оптимистическая трагедия», а там – «кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?», анархист Сиплый и не то чтобы хеппи-энд.

А тут ещё и лыжные кроссы!

Я считал, что вполне уже годен к нестроевой службе при обозе наступающих на развалины Парижа краснознамённых гусеничных армад. Учил языки, хотел в трофейную команду. На лыжах не хотел, а это оценки, выговоры и презрение сизоносого доцента кафедры физвоспитания.

Поэтому я что? Поэтому я лыжи ломал. Ломал я их в лесу, наедине с природой, колошматя по пню.

Три раза государство выдавало мне лыжи с ещё теплыми от чужих ног ботинками. Что тоже являлось своего рода подготовкой к грядущему неизбежному. И все три раза я случайно ломал лыжи о пень.

А на четвёртый раз за мной, используя мою невнимательность, доверчивость к лесу и, прямо скажем, надвигающуюся слепоту, заскользил следить сизоносый физкультурник. Наш, как я его называл, педагог.

И вот зима. Лютая. Я стою перед деревом. Пня не вижу – он весь окончательно в снегу затаился. Поэтому ёлка. Пушистая, красивая, накинущая на себя белоснежную шубку, немолодая, но стройная. Свежая. И вот я хреначу лыжей по упругим её ветвям. А ёлка-озорница играет со мной, кокетничает. Пружинит, сволочь. Не ломается лыжа.

Надо мной вороньё кружит. Я красный весь, колочу лыжей злобно, хаотично, от меня пар. Я как мужик-середняк, вернувшийся из недоброго города в свою голодную деревню. Злость, тоска и позёмка. Только вороны радуют, орут и машут крыльями. Короче, новый год в колонии усиленного режима, добавленный администрацией колонии к предыдущему сроку.

– И что это мы тут делаем? – слышу вкрадчивый вопрос.

Не оборачиваясь, выпустил лыжу из рук, молча и не мигая обтёр лицо снегом.

«Буду валить физкультурника, – решил, – потом грех замолю, а лес не выдаст, схоронит нашу маленькую педагогическую тайну. К весне ближе я уже буду в Ашхабаде, на стройке, звать меня будут Фирдуз, там граница, копыта, Тегеран, Персидский залив, смена докумен-

тов и танкер. Поножовщина в трюме с носатыми греками. Далее карьера миллионера-судовладельца, белый смокинг, оперная певица в любовницах, бриллиант в зубе у собаки, яхта из палисандра, опиум, таинственное убийство певицы, собачий зуб с бриллиантом в кармане, Монако, казино, проигрыш, револьвер, осечка, выигрыш, возвращение на родину в костюме образованного раджи. Всё стройно, чётко просчитано, план прекрасен!»

Оборачиваюсь к доценту. А он своей судьбы не знает, думает, что его синий тренировочный костюм с надписью «Спортобщество «Пищевик» 1980» спасёт, обеспечит ему легкое вознесение.

Но глаза-то у него есть. Поэтому он на три шага от меня сразу отошёл. От меня же пар валит, я красный, на щетине снег тает, и запах от ботинок с чужих ног тоже, знаете, не обнадеживает.

– Что я тут делаю? – тихо спрашиваю у отступающего физкультурника. И сразу в крик, тут важно дать мгновенный переход, секундный переход фазы торможения в фазу обострения болезни мозга. – Вы! ВЫ, Сергей Сергеевич! Только! Посмотрите! Ворона на верхушке! Терзает! Терзает!.. – тут пауза, резкое понижение тона, растерянность, боль и на выдохе безнадёжно: – Бельчонка...

– Шемякин, вы идиот?

– Я идиот.

– Отдайте лыжи. Я поставлю вам зачёт. Никому ничего не рассказывайте.

Комсомольские взносы

Однажды, очень и очень давно, декан изловил меня в момент моего возрождения из пепла.

В пепел я превратился, проводив своего друга Серёжу Н-ва в армию.

Рассказывал уже эту бесстыдную историю, прекрасно характеризующую моё разрушительное влияние на все стороны жизни людей, окружающих меня.

Вкратце напомним. Мы с Серёжей жили в одной общежитской комнате. И символизировали собой два полюса одного холодильника «Полюс».

Папа у Серёжи работал директором крупного свинокомплекса. А я жил сам по себе на гречневых и гороховых концентратах.

Завтракал Серёжа двумя ломтями свинятины, которые из-за знания общежитских нравов жарил тут же, у нас в комнате, деликатно задёрнув от меня занавеску. Обедал Серёжа тоже чем-то очень диетическим на основе смальца и копчёностей, ужин я обычно не наблюдал, потому как горбатым шакалёнком бегал по коридорам общежития номер два, обезумев от гастрономических кошмаров.

В нашей комнате пропахло сытой едой всё: Серёжа, его вещи, мои вещи, подушки, одеяла, учебники, я жратвой тоже пропах насквозь. Омерзительная привычка нюхать пальцы, галлюцинации, бред стали моими постоянными спутниками.

Холодильник свой Серёжа запирает на изящную цепочку с замком, которые ему привезла из свинокомплекса мама. Она при этом привезла ещё пять кило копчёного сала и две банки маринованных с перцем пяточков. Думаю, что в детстве у Серёжи были забавные игрушки, а его детская была красиво убрана пороссячими головками и гирляндами сосисок над кроватью в форме свинки из натуральной кожи.

Серёжа очень любил эти маринованные пяточки и, похрустывая, закусывал ими водочку, которая, понятное дело, при такой диете его не губила, а делала всё краше и краше. Человек на моих глазах наливался телесной красотой не по дням, а по часам.

Стали приходить к нам повестки из военкоматов. Родина настойчиво звала нас к себе в армию, гостеприимно указывая номер статьи Конституции.

Серёже повестка всё никак не приходила и не приходила. На проводах в рекруты какого-то очередного счастливца Серёжа сказал, что служить вообще не собирается. Сказал негромко, времена были ещё прилично социалистические. Но в глазах у Серёжи стояло безмятежным синим озером понимание жизни.

В ту же ночь я сел за письменный стол, взял пропахшую свининой бумагу, липкую ручку и написал между жирными разводами письмо в «Красную звезду». От имени Серёжи Н-ва. В письме говорилось, в частности, что дед-балтиец и отец-тихоокеанец Сергея с осуждением смотрят на него, до сих пор не служившего, а военком района подполковник Б. Гусев под надуманными предлогами отказывает Сергею в его праве защищать нашу страну. «Под надуманными предлогами» я подчеркнул два раза. Письмо завершалось просьбой направить Серёжу служить на флот, желательно на атомную подводную лодку. Подписал просто: Сергей Н-в. И утречком опустил в почтовый ящик.

Я сам не ожидал, что это письмо опубликуют в «Красной звезде» в рубрике «Навстречу съезду ВЛКСМ».

За Серёжей пришли прямо в лекционный зал. Пришёл сам подполковник Б. Гусев и два капитана.

С большим и понятным волнением я читал письма, которые мне писал друг Серёжа из Североморска. В этих письмах было всё. В тех местах, где описывалась моя судьба в инвалидном кресле на вокзале, я всегда прерывал чтение и замирал.

Через полгода я привык к этим письмам, перестал их хранить у сердца и начал усиленно отжиматься от пола и бегать в загородном парке. Записался в секцию гиревого спорта.

Вот при возвращении с тренировки, на которой я много плакал и просился домой (тм), меня и подловил наш добрый король Дагоберт. Декан наш замечательный. Который меня, в принципе, помнил, как-то распознавал на визуальном уровне, но имени моего запоминать не хотел.

Декан схватил меня за руки и взволнованно произнёс:

– Джеймс! У нас на факультете произошла беда!

Если бы передо мной не стояла самая главная беда на факультете, если бы она не так крепко держала меня за руки, то, возможно, я и не стал бы впоследствии тем, кем стал. А просто вырвался бы и убежал.

Но что-то меня остановило, и две беды факультета разговорились.

– Понимаешь, Джим, – сказал мне декан, – у нашего факультета огромная задолженность по членским взносам. Мы много должны комитету комсомола университета. Студенты не платят свои взносы, понимаешь?! И поэтому образовалась задолженность. Комитету комсомола университета. Студенты не хотят платить, и задолженность получилась, понимаешь, да?!

– Перед комитетом комсомола? Задолженность перед комитетом комсомола образовалась, да? – уточнил я на всякий случай, переминаясь призовым жребцом и прикидывая, смогу ли выбить головой стекло и скрыться в кустах.

– Да! – ответил неторопливый декан. – Студенты не платят вовремя взносы, и образовалась задолженность.

– Это очень плохо! – честно признал я. – За это по головке не погладят. За задолженность перед комитетом комсомола. В такое время это очень плохо, когда студенты вовремя не платят взносы.

Стекло уже не казалось мне таким уж толстым.

– Ты, Джин, вот что: ты должен нам помочь, да. У Колесниковой, – декан посмотрел в бумажку, – не получается собирать взносы вовремя. Ты должен ей помочь взносы собрать.

Стекло казалось уже совсем тонким и манило.

– Я обязательно помогу! – пообещал я максимально честно.

– Давай сюда зачётку! – внезапно хищно сказал декан. Помог мне её найти и спрятал в свой карман. – Верну, когда... – декан посмотрел в бумажку, – Колесникова скажет, что задолженность перед комитетом комсомола ликвидирована.

«Прекрасно, Джек! – сказал я сам себе. – Прекрасно! Очень удачно всё сложилось. Правда? Главное, секция гиревого спорта очень помогла!»

Через два часа я был вышвырнут из всех возможным общежитских комнат, в которые входил с требованием комсомольской дани. Я орал и бесновался, стучал кулаками в двери, давил на сознательность и простую человеческую жалость.

Может, на других факультетах это бы и сработало. Но на историческом факультете, сами понимаете... Какая жалость, если кругом конспекты по гражданской войне?

Обида была в том, что дело-то пустяшное было: по две копейки с носа в месяц. Но первый сбор украли, вторую сумму как-то потеряли. В третий раз собрали не со всех, и такая карусель несколько месяцев продолжалась. Но не кошмарная сумма корячилась, нет.

С огорчением и болью вернулся в свою конурку.

После ухода Серёжи Н-ва на флот комнатка моя не осиротела. Ко мне подселили отслужившего пограничника Ваню, и жизнь наладилась.

Ваня выпивал. А так как его путь в страну зелёных фей только начинался и весил Ваня около центнера, то алкоголя ему требовалось довольно много.

Недостаток средств Ваня возмещал, работая сторожем в школе, в которую по ночам запускать всех окрестных сластолюбцев и женщин трудной судьбы. Деньги, полученные от сластолюбцев, Ваня аккуратно пропивал, заглушая совесть и расшатывая нервную систему.

У него начали появляться странные идеи и видения. В видениях этих Ваня был страшен. Спал я в такие Ванины периоды, как кашалот: только одной половиной мозга. Вторая половина стояла на страже моего здоровья и жизни. Потом половины мозга менялись местами, происходила смена караула, и к седьмому дню видения начинались уже и у меня.

– У тебя водка есть? – спросил у меня Ваня.

– Водка будет, когда мы с тобой ликвидируем задолженность перед комитетом комсомола! – произнёс я, валясь в постель. – Студенты не платят взносы, понимаешь, Джеймс, а Колесникова не справляется... декан зачётку... песец! – засыпая половиной мозга, обрисовывал я ситуацию.

Я даже не заметил, как Ваня взял обмотанную изолентой монтировку и вышел из комнаты, приставив на место нашу традиционно полуоторванную дверь.

Утром я проснулся уже второй половиной мозга и понял, что стал жертвой какого-то насилия. Иного объяснения тому, что я лежу в постели и весь усыпан, как среднеазиатская невеста, бумажными деньгами, найти мне было трудно.

Ощупал себя всесторонне, посмотрел под кровать, попил воды. Под раковиной обнаружилась коробка из-под обуви, в которой тоже были деньги. Деньги были ещё на полу и даже в сортире. Ощупал себя ещё раз. Отлегло от сердца, не так уж я и свеж был, чтобы за моё потрепанное житейскими бурями тело платили такие бешеные деньжищи. Тем более что и Ваня спал среди синих и красных бумажек. А он-то просто так не сдался бы.

Собрал Ванятка за ночь адское количество рублей. Нет, не только с историков, он методично прочесал два общежития, заглянул и к юристам, и к филологам. Сначала трезвым собиравал, объясняя ситуацию с задолженностью, а потом где-то разговелся и стал просто так входить с монтировкой и уходить уже с купюрами.

«Лет семь, – думал я, разглядывая собранные кучей дензнаки, – как минимум. На зоне надо будет в придурки постараться попасть. В библиотеку или в прачечную, самостоятельность поднимать».

В голове лаяли конвойные собаки и лязгали запоры этапных вагонов.

Отучился ты, Джим, отучился...

Деньги мы с Ваней сдали в комитет комсомола. Я успел написать красивым почерком обращение к М. С. Горбачёву от лица студенчества. В комитете, увидев меня с петицией и причёсанного Ваню с коробкой денег, сначала не поверили глазам.

– Это наш почин! – торжественно произнёс я взволнованным голосом коммунара. – На памятник первым комсомольцам нашей области. И ещё тут задолженность по взносам...

На съезд ВЛКСМ Ваня поехал один. Мою кандидатуру зарубили в комсомольском обкоме.

Прошлое

Проезжал мимо своего первого адреса в Самаре. Снимал в 1986 году комнату у одного странноватого бывшего инженера, женатого на не менее странноватой учительнице рисования.

Инженер был рыбак. Жена лила из гипса фигурки. Вязки чехони, низки воблы, веревки с лещами на все комнаты протянуты. Снасти по углам. Лодка в коридоре. И все это благоухает то так, то эдак среди гипсовых бюстов и каких-то посмертных масок.

Правда, не все маски были посмертные. Два раза хозяйка снимала гипсовые слепки с моего выразительного лица. Не знаю, чего она хотела этим добиться. Но упорно уговаривала продолжить творческие эксперименты с моим увековечиванием.

Одну маску подарила мне. В полном обалдении держал в руках своё гипсовое лицо, тревожно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Это как скальп свой держать в трясущихся руках под свист прерий.

Повесил слепок на стену.

Снял на следующий день. Отнес в университет и подарил археологу Вашенкину. Тот удачно пристроил мою личину в экспозицию, неожиданно посвященную раскопкам Помпей.

Пока экспозиция действовала, пару раз заходил любоваться на себя. Под моим гипсовым лицом красовалась трафаретная надпись: «Одна из жертв вулкана Везувий. Нумидийский раб».

Пока хозяйка квартиры предавалась со мной творчеству, хозяин приучал меня к поискам правильного опарыша и копке червей. За прослушивание лекций про опарыша мне полагалась поощрительная награда – вобла. А то и две. Плюс я негромко заимствовал из хозяйской коллекции эту питательную и полезную рыбу.

Из воблы я варил суп с пшенкой. Воблой я закусывал воду из-под крана или даже чай. На воблу менял сигареты. Воблой я подманивал к себе доверчивых микрорайонных девушек. Вобла меня кормила, утешала, доставляла телесные удовольствия. А после сдачи зачета по мировой художественной культуре я понял, что вобла меня, в принципе, и учит ещё. Обеспечивает стипендией. Вобла была моей утешительницей.

От омерзительной привычки нюхать пальцы я избавился совсем недавно.

Рядом с домом тянулась, да и сейчас тянется железная дорога. Стальные строчки, сшивающие расползающуюся рыхлость моей страны, как сказал бы на моём месте человек эстетически выверенный. Засыпал я под шум составов, спал под перестук колес и гудки. Просыпаясь, и полное ощущение, что прибыл в новое удивительное место. Может, в Сызрань. Или даже в Рузаевку.

Походкой в ритме «тыдысь-тыдысь» кидаешься к окну. Разводя руками висящую чехонь, прилипаешь к стеклу. А там всё то же самое, что и вчера. Никуда не уехал. Небо. Труба. Сортировочная. Ночью опять куда-то едешь под перестук, ещё немного, ещё чуть – и ты вырвался, а утром – вобла, гипс, зубная паста «Поморин».

Это как с Интернетом, что тут объяснять.

Вышел из машины, прошелся по старым дорожкам. Жизнь, жизнь, куда ты подевалась?

Романтик

Всей своей жизнью наш друг Костя доказывает, что в жизни есть место романтике, любви, нищете и оптимизму.

Собственно говоря, наш друг Костя состоит из всех этих названных качеств.

Прочие проявления жизни волнуют его гораздо меньше. Деньги, карьера, признание благодарного отечества вызывают у Кости снисходительную усмешку всё повидавшего крестноносца.

Мы пытались найти Константину приличную работу с атрибутами: заработной платой, кабинетом и перспективами. Всё закончилось довольно предсказуемо и очень-очень быстро.

В один из зимних вечеров, когда мы с друзьями занимались развивающими настольными играми в карты, дверь распахнулась. В клубах морозного пара стоял Константин в неожиданно каракулевым манто. Лик его был бледен и иконописен.

В чём только ни застигали Константина так называемые «неожиданные тяжелые обстоятельства» в лице мужей-дальнобойщиков, братьев Агакеримовых, Руслана и Аликпера, татуированных сожителей, милиционеров, прибывших по вызову мстительной и глупой соседки... Но в женской шубе на голые эффектные плечи Костю мы имели счастье видеть впервые.

Тем более всем стало горько на душе, потому как, по нашим подсчётам, Костя в это время должен был ишачить программистом в подразделении одного топливного холдинга, куда мы его сообщая, не без приключений, засунули.

– Укройте меня, друзья! – с обречённостью молил Костя. – Я люблю и любим, но обстоятельства!..

Вскоре по следу Константина пришли и обстоятельства, забрали шубу своей жены и вразвалку удалились.

Мы все вылезли из-под стола. Я прижимал к разбитому носу кусок занавески. Б-ч держал одной вывихнутой рукой разбитую об стену другую руку. Вадик придерживал пальцем чуть надорванное ухо.

Костя спустился с антресолей и тяжело вздохнул.

Мы решили оставить Константина в покое. Потому как уже устали быть свидетелями волны «необоснованных упрёков и поцелуев рук».

Костя не унывал. Водил к себе в пустой гараж женщин и пользовался их благосклонностью.

Для создания атмосферы Константин зажигал свечу. Тогда женщины понимали, что к чему. И если свеча в гараже зажжена, то любые отговорки бессмысленны.

Это сейчас девушки недоумевают до последнего. Раньше было иначе. Свечой Костя как бы подчёркивал то важное обстоятельство, что если женщина прошла, спотыкаясь на щебёнке, за ним три километра по пустырю под вой собак со стройки, то он это ценит. И сейчас произойдёт волшебство... Как-то так, в общем.

Свеча горела на столе, отражаясь и преломляясь в рядах банок с помидорами и огурцами, выставленными на гаражных полках. В углу стоял велосипед. Женщины начинали надеяться на благополучный исход этого увлекательного приключения и выпускали из рук гаечный ключ, незаметно подобранный в начале гаражного визита.

Отсюда вывод: свеча и помидорные банки по отдельности пошловаты в качестве фона для любви на ватнике, а в сочетании друг с другом – вполне приличны. А нищета ухажёра – настоящий фильтр для подтверждения искренности чувств и кристальности намерений.

Помимо гаражных randevu, Константин любил вылазки на природу. С женщинами, которым Костя жарил на костерке докторскую колбасу. Иногда он звал и нас с собой, поделиться охватившими его эмоциями.

Я смотрел на женщин, выбравших романтика Костю, с уважением. Не каждый день увидишь такое чувство вживую.

Хотя иногда закрадывалось подозрение, что докторская колбаса свою роль тоже играла в этом непростом женском выборе. Дам-то Костя подбирал себе своеобразных, не будем лукавить.

Игрушки

Удачно почесался спиной о стенку в турецкой бане.

Стенка показалась мне приятно шершавой. Я и почесался спиной.

Ключья шкуры летели до раздевалки. Не знаю я удержу, вот что скажу.

Вот был у меня в детстве заводной медведь. В спине дырка, в дыре ключ, повернул пять раз – медведь начинает шевелиться, урчать и делать вид, что мёд из бочонка жрёт.

С помощью медведя воспитатели мои, потевшие в три смены в попытках моей социализации и общего одомашнивания, пытались мне внушить систему причинно-следственных связей.

Вот медведь, ключ, уязвимое место на медведе, суй в медвежье уязвимое место ключ, с сопением ключ проворачивай, и медведь тебе выдаст поучительное шоу. Понял?

Конечно, понял! Ведь если от пяти поворотов ключа медведь шевелится, то от десяти, поди, ещё и заговорит! По-моему, логично.

После десяти проворотов со скрипом медведь действительно чуть было не заговорил. Что-то в нём так, знаете, ёкнуло, вот чуть-чуть, казалось, немного ещё, потерпи, родимый, давай!..

А медведя тут парализовало. Кондратий его обнял. Карачун схватил.

Я сделал вывод, что излишнее внимание к тому, чей танец ты хочешь увидеть, вредно.

Когда игрушки простые, они калечат внутренний мир одного. А если игрушки сложные, измыслены техническим гением, то покалечить могут очень много людей. Даже годы спустя аукнется эхо.

У знакомых моих рос некрупный сын, потом родилась ещё дочь. Родители были отличные, игрушек у детей было море. Особенно таких, знаете, на батарейках. Нажимаешь корове на пузо, корова поёт «Очи чёрные», тряся выменем и широко распахивая рот.

Она мне особо нравилась. Я и в гости приходил к знакомым, чтобы с коровой этой поиграть. До семи раз прослушивал и глупо хихикал. Хорошая была корова, весёлая, отзывчивая и такая сообразная во всём.

Дети подросли. Игрушки с подсевшими немного батарейками оттащили в гараж. Засунули в мешок, мешок повесили на крюк, поверх мешка со временем навесили брезентовый плащ.

Года два прошло.

Приехал тесть в гости. За каким-то лихом полез в гараж, старый алкоголик. И при свете фонарика начал в гараже шебуршиться гадюкой в камышах. Нашёл бутылку. Усугубил состояние. Пошёл нетвердо к выходу и покачнулся.

Всем телом въехал в мешок со старыми игрушками, укрытыми до времени брезентовым плащом.

Игрушки в мешке очень обрадовались, что за ними детство вернулось. И сразу стали петь, трясти своими пыльными немолодыми телами. В темноте мешка. А батарейки подсевшие. Поэтому вместо пения – низкий вой, вместо весёлого подёргивания лапами, головами и хвостами – старческое артритное шевеление.

Короче, тесть увидел, как ожил брезентовый плащ, и, колыхаясь, утробно воя, хочет тестя убить, не знаю, поработить, что там плащи из гаража со старыми алкоголиками делают? Игрушки про тестевы переживания не знали – они в мешке, им не видно, кого они там веселят. А тесть про игрушки был не в курсе, но был очень в курсе неврозов на почве регулярной интоксикации.

Не совпали тестя и игрушек из мешка колебания души. Игрушки радуются, что за ними пришли, вернулись за ними, скоро мы увидим свет, наддай, Патрикеевна, тряси выменем

шибче, свобода! свобода скоро! мы любим и любимы! не подведи, Михеич, рви гармонь, косолапый! ещё немного! немного ещё!..

А тесть видит, что это за ним тоже пришли, что всё, амба, кончилась жизнь, прощайте, скалистые горы! отплавал своё, морячок (он механиком на сухогрузе работал), суши вёсла, корабли, покинувшие строй эскадры, считаются вышедшими из боя самовольно, бей морзянку, спасённых нет!.. А-А-А!

Тестя из гаража выманивали всем миром. Он пугливо отнекивался, и пришлось его выволакивать, включенного и неясно улыбающегося. С чуть ли не перекушенным фонариком в обеих руках.

Игрушки освободили, почистили, заменили батарейки, раздали в хорошие руки. Тестю тоже пришлось немного батарейки заменить. Он теперь аквариумист, стал строг, не шутит, на праздники к друзьям не ходит, купил «форд», сажает огурцы. Тёща не знает, как китайским игрушечникам в церкви молиться.

Отсюда выводы: трясти выменем и петь надо, даже если сидишь в мешке дикое количество времени. Детство может достать и через годы. Искусство исправляет нравы.

Кукуруза

Лежал я как-то на пляже. Море. Ш-ш-ш-ш-ш. Песок. Жара. Выцветшее небо.

В двух шагах от меня лежит мужчина. В тёмно-сером костюме, лицом в песок. Ему нехорошо.

А мне хорошо – я по сторонам смотрю.

К нам идёт женщина с совершенно невероятной кастрюлей на брезентовом ремне. Кастрюля жаркая. Женщина очень жаркая. И яркая такая. Рыжая, щёки просто в кулаки не сгребёшь, ноги толстые, в офицерских ботинках, загорелые в коричневое так, что где ноги, где ботинки, различить можно с трудом.

Я как клиент её не заинтересовал – лежит там что-то худенькое, невнятное, в одних трусах. А вот мужик в костюме показался ей перспективней.

Дама с котлом на ремне наклоняется к моему уважаемому соседу, который что-то чувствует и перестаёт дышать в песок. Ну, дама ему ботинком без шнурков под ребро раза два несильно. И говорит:

– И что?! Вы будете себе думать или брать? Вы пшёнку, мужчина, покупаете?!

Пшёнка – это кукуруза варёная.

Мужик в двубортном поворачивает лицо и негромко, в песок так несколько:

– А может, вы хотите показать?

Тут женщина опускается перед мужиком, как перед Богородицей, на колени, открывает котёл, пар как из Везувия – в бледное небо ах-х-х!

Мужчина смотрит в кратер. Пот, песок – всё туда же.

– Ай, оно у вас маленькое!

И тут женщина-кукурузонос произносит фразу, которая вот уже двадцать с лишним лет выручает меня в самых причудливых ситуациях. Вот она стоит перед мужиком на коленях, их разделяет только кастрюля и пережитое с другими. И она говорит:

– Маленькое?! Зачем мне вы говорите такое?! Возьмите их в руку – вы ужаснётесь! Нет, вы сожмите – и молчите! Маленькое!

Телефонный разговор

Звонили из самого Стокгольма.

Я подумал, что Нобелевская одумалась. Оправил орденские ленты, взял телефонную трубку, выпрямился у зеркала и внушительно произнёс:

– У аппарата в негодовании...

К огромному сожалению, Елизавета Генриховна, отъехавшая в Швецию свою, попала под тлетворное влияние своей тамошней аккуратной родни. И родня её мне стала в телефон говорить слова о моём странном воспитании нашего несовершеннолетнего алмаза. И то я не так, и это я не эдак.

Под градом улик орал в трубку первые пришедшие на ум сочетания букв. В разговоре с соотечественниками это прокатывает. Пятьдесят тыщ подписчиков тому верной порукой служат.

А шведы на чарующую магию моего визгливого голоса не велись и гнули свою скандинавскую линию:

– Чем вы кормили дитя? Если она не хочет есть вегетарианские тефтеллен унд злакен с обезжиренным миндальным и витаминизированным молоком?

– Ну... это... – интеллигентно откашливаюсь. – Баранина, питательные смеси из масла и хлеба, пирожки с ливером... Мороженое. Селёдка с пюре. Блинчики. Эти, как их... каши с вареньем. Капуста с брусникой. Дичь. Тортики там... Крошечные! Крошечные тортики! Вобла, жерех. А! Яблоки! Яблоки же были! Яблоками кормил! С временно, хоть и навечно добровольно возвращенных исконных территорий!

– Она действительно не хочет есть доброкачественную...

Я переспросил.

– Доб-ро-ка-чес-твен-ную пищу... – повторили.

– Какую?! – не поверил.

– Полезную и сбалансированную!

– Толокно, что ли? – Я-то в диетологии – ого-го.

– Что?

– Толокно? Не хочет есть ваше толокно?! Из опилок-то?! – голосом крепну. Ведь кормил же яблоками.

– Какое толокно? Что вы там говорите? Вы кормили девочку консервами?

– Я их от неё прятал!

– Консервами кормили?

– Яблоки были, иные там... плоды и соцветия...

– Вы понимаете, что консервы вредны детям?

– Яблоки, говорю, давал... Чего это они вредные-то стали вдруг, консервы?! Со мной так нельзя. Аргументируйте!

– Вы консервы ей давали?

– Ну, так... полакомиться давал. Хлебушком там помакать... со сковороды. Понимаете, когда лук и картошка, а сверху... и осень, то чего тут кривляться-то? Очень полезно!

– Девочка сказала, что больше всего она хочет солёное печенье из рациона для солдат! Вы давали ей еду для солдат? Из пятнистой коробки?

– Крошка моя! Не забыла! Не забыла! Люди, несите флаги и факелы! Праздник сейчас состоится! Барабанам частую дробь зóрей бить!

– Что вы сказали? Мы не очень...

– Полтава! Полтава!

– Вы давали ей сосиски из коня?

– Слушайте её больше! – ненатурально засмеялся. – Это же выдумщица милая! Скажет тоже... из коня...

– Вы давали ей сосиски из лошадиного мяса и жира. А ещё тогда же она видела варёную голову овцы.

– Сон! Просто сон сморил нашего ангела... С кем не бывает! Хе-хе... Мы голову без неё ели. В гостях у профессора, кстати. Невропатолога.

Зачем соврал про невропатолога?

На самом деле Лизе понравились американские галеты с какими-то впаянными в них овощами. Сам не знаю, как получилось.

Но не было у меня приказа флаг спускать перед шведами.

Радар

Есть по дороге в мою загородную хижинку одно заповедное место.

Обычный проезжающий, мчащийся на бричке по казённой ли надобности, по частному ли произволу, минуя это место, только губу закусит, творя крестное знамение. Да присосётся с жадностью к баклажке с французской водкой, отмахиваясь от укоризн верной супруги своей. Да ещё и примолвит при этом некоторое такое словцо, а то и два словца, так что супруга, захлопнув свой красиво очерченный рот, помолчит-помолчит, глядя на проносящиеся мимо ели с осинами, а потом и сама рукой махнёт, сдвинет дорожный капор на затылок, да и усугубит за супругом остаточек в два мощных глотка. И вот уже песня, вот и объятия, поцелуи и укромные поглядывания баловника-ямщика через плечо.

А всё потому, что на одной из суетливых развилок установила деревенская ГАИ радар. Очень раритетную вещь списали за ненадобностью с марсианского флота вторжения. Мощная боевая тренога, увенчанная чёрным ящиком. Композицию дополняют комки проводов, выглядывающие из чуда враждебной техники. Главный, становой провод-жила неким намёком уходит в кусты, где, вероятно, находится питательный аккумулятор.

Красиво.

Одно время для маскировки это сооружение деревенские гаишники, со свойственной сметливым селянам простотой, накрывали маскировочной сетью. Сеть набрасывалась на радарные распорки, и бездушный радар сразу становился похож на доброго снайпера, случайно севшего на кол и по этому поводу несколько замершего.

Представляю, какая радость царил в домах у сельских дорожных милиционеров, когда они по благу раздобыли себе такое чудо. Я так полагаю, что и в долг взяли они немало у односельчан, и купили себе необходимые вещи из магазина «Культовары». И всё в расчёте на грядущие с технического прогресса барыши.

Общая диспозиция была такая. Устанавливается замаскированный сетью радар. В двухстах – трёхстах метрах от радара, за горой, устанавливается пост. При получении сигнала о превышении скоростного режима гаишники гурьбой высыпают на дорогу и пресекают дорожный беспредел.

Но реальность разрушает самые смелые планы. Радар стали постоянно опрокидывать незнательные водители.

Решили установить радар поближе к посту. Но выяснилось, что просвистевшая мимо на огромной скорости кавалькада не успевает быть перехваченной. А следовательно, перед нами упущенная выгода. Тем более обидно, что сельские гаишники должны по рации передать информацию о произошедшем кошмаре следующему посту. И все деньги достанутся коллегам-конкурентам.

Выход был найден. По зиме позапрошлого года у замаскированного радара поставили охранителем босо- и черноногого цыганёнка. Который, приплясывая на искрящемся в свете фар снегу то ли от известной живости цыганской натуры, то ли от дикого мороза, охранял радар.

Встретить в январе пляшущего и прыгающего в заснеженных кустах цыгана – для моих краёв это пока диковина. Многие стали притормаживать для рассмотрения этнографического курьёза. Выручка у гаишников падала. В домах у деревенских луидефюнесов воцарились плач и запустение.

Тогда цыганёнку смастерили фанерную будку, в которой он должен был бдительно сидеть и препятствовать надругательствам над радаром. Для пушего бережения будку закамуфлировали под четырёхугольный сугроб. Цыганёнок, которому было одиноко, слепил себе друга-снеговика и воткнул рядом маленькую ёлку. Поставил в будке печурку, в которой жёг ящики.

Снеговик, будка, попискивающий радар и пляшущий цыганёнок перезимовали, всем на радость, успешно. Цыганёнку водители подкидывали жратву и курево. За это цыганёнок показывал представление с радаром, пересказать которое я не могу. Но дальнотойщикам нравилось.

Весной армяне построили на месте растаявшей снежной бабы фанерную шашлычную. Летом ландшафт обогатился шиномонтажным сараем. Естественно, что вскоре тут уже клубились проститутки, которых стали крышевать озверевшие от происходящего сельские гаишники. На обочинах по обе стороны дороги развернулась продажа всякого ужаса: эмалированные кастрюли, полотенца, хрусталь и даже воздушные змеи. Потянулись к этому месту бабки-яблочницы. Установили пивной киоск. Наставили скамеек под навесами...

Теперь вот строят бензозаправку. Уже видели китайцев. Сначала двух, а через день уже шестнадцать.

Радар несколько оттеснён с повестки дня быстротекущим потоком жизни, но продолжает функционировать, олицетворяя собой центр этой молодой вселенной.

Я думаю, что наблюдаю за рождением нового славного города на карте нашей Родины.

Кожанный плащ

Я так уж устроен, что даже в слабом дуновении ветерка обновлений мне слышится скрип поднимаемого ножа гильотины. Всё ведь начинается с малого, говорю я, запирая на ключ дверь чулана, не слыша стоны узников-реформаторов.

Однажды, очень и очень давно, я купил себе плащ из кожи.

До покупки плаща я ходил в удивительном пуховике, сшитом подневольными китайскими старушками, которых по слепоте их и женской непригодности приковали цепями к «Зингерам» в подвальных фабриках Пекина.

Пуховик был прекрасен. В сущности, это был не столько пуховик, сколько перьевик. На третий день носки перья пуховика уверенно сползли мятой грушей вниз, и мой мужественный силуэт несколько преобразился в сторону исконного русского добродушия на вате.

Примерно в таком обличье сидели под хлопьями снега на козлах замерзающие русские извозчики, с нетерпением ожидая неминуемых побоев от загулявших седоков.

Метафизическим плюсом моего гипотетического пуховика были вылезающие из всех его многочисленных швов перья, которые я застенчиво выдёргивал, дивясь их разнообразию. Часть перьев принадлежала, видимо, массово забитым в Китае чьим-то православным ангелам-хранителям, покинувшим белогвардейских хозяев после Гражданской войны. Белые и запах такой...

Однажды я, поднатужась, выдернул из себя перо размером с локоть, весьма пригодное для писания челобитий и духовных стихов при свете приказной коптилки.

Попадались перья и попроще, эти я пускал по ветру, любуясь незамутнённым взором Форреста Гампа на их замысловатый танец.

Так и ходил: с необъятной пуховой задницей, увеличенной накладными карманами, и торчащими из швов лебедиными перьями. Образ спивающегося херувима удачно завершала меховая шапка-имитация. Под шапкой-имитацией подразумевалась псевдоушанка пегого цвета с рудиментарными шнурками, отмирающими в процессе тупиковой шапочной эволюции.

В целом своим внешним видом я был не совсем удовлетворён. Двадцать один год человеку. У человека планы и возможности. Духовный пуховик с православием перьевым меня не устраивал совсем. Сама Эволюция приходила ко мне в образе Ирины В. – первой красавицы курса, и совсем было решилась на реализацию моих устремлений, но тут вылез пуховик, зачастил скороговоркой, проявился по полной.

Поэтому и появился плащ с отстёгивающейся подкладкой. Это был прекрасный плащ. Кожа на него пошла добротная до такой степени, что плащ мог стоять и без меня. Тем более что он был и так до пола. Плащ мог выдержать удар трёхгранного штыка. К плащу прилагалась романтическая пелерина. В этой стоящей дыбом пелерине я, даже если стоял как вкопанный, казался мчащимся в бурю вестником надвигающейся чумы.

Накопление денег на покупку плаща заняло два месяца унижительных подработок и обидного подхалтуривания. Например, трудно забыть, как я, галлюцинируя от отравы, занимался по объявлению дезинфекцией в коммунальной квартире на улице Водников. Отрава не очень брала тараканов, и жильцы с улицы Водников после моего третьего безуспешного антитараканьего визита начали скверными голосами мне угрожать и телесно мучить. Слава богу, новая химия помогла, и вместе с двумя каретами «скорой помощи», отъехавшими от соседних подъездов, куда вела общая вентиляция, отъехали и тараканы.

Под плащ пришлось менять походку, красноватым после тараканьего этапа стал взгляд, поворот головы изменился, прочие привычки и пристрастия претерпели метаморфозы страшного свойства.

Плащ меня поработил. Если в своём добродушном ангельском пуховике я был робким и несколько заискивающим перед обстоятельствами ассистентом кафедры всеобщей истории, то в новом плаще я уверенно претендовал на роль герцога-злодея, собирающего под свои чёрные знамёна всю окрестную нежить.

От природной вынужденной застенчивости не осталось и следа. Только захочешь рассказать студентам что-то полезное и возвышающее нравы, а вот уже стоишь на кафедре, топаешь ногами в лакированных ботинках (плащ заставил) по раскрытому тому Гиббона и над вставшими смоляными кудрями сверкают молнии и кружит вороньё. Сполохи гибели на стенах. Тени Аттилы и Аэция!

Университет мы с плащом покинули без сожаления. И начали строить свои жизни в новом направлении.

О чём многие, конечно, жалеют.

Две Земли

Когда я был просветителем, я ездил по таджикским горным деревням с лекциями. Это у нас такое родовое проклятие: читать проповеди по баракам.

В комплекте со мной по таджикским селениям ехала кинопередвижка с запасом индийских фильмов и грузовичок с резиновыми галошами. Стоя в кузове грузовичка на главной площади, я хлопал галошами и созывал таджикский народ на замечательную лекцию с последующим просмотром кинофильма.

Из динамика на кинопередвижке рвалась индийская песня. Над моей головой вздымались скалы. Всё вокруг было в персиковом цвету.

Приходили все. Потому что галоши раздавались строго после кинофильма. Я за этим следил. Галошами, фильмами с Баччаном и моими лекциями власти отвлекали таджиков от траффика всякого из-за речки и фундаментализма.

Лекции у меня были разнообразные. В основном про международное положение. Для наглядности я возил с собой географическую карту. Географическая карта была с двумя полушариями: Западным полушарием и Восточным полушарием.

Лекции мои пользовались огромным успехом. Это было, конечно, побочным явлением траффика всякого из-за речки. Таджики пробовали то, что перевозили, и как-то привыкли к несколько изменённому состоянию души. А тут и я с лекциями. Многие таджики наверняка считали меня добрым видением, раздающим галоши по списку.

В селении Харшон после лекции ко мне подошёл местный интеллигент. Интеллигент попросил дать ему автограф на книге Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Я дал. Подписался просто: «Джон Рид. С надеждой на будущие встречи».

После моей автограф-сессии интеллигент подошёл довольно твёрдо к карте с полушариями, минуту всматривался в неё, держась за лицо руками, повернулся ко мне и с болью спросил:

– Что? Теперь две Земли, да?!

– Вот теперь – да... – с чувством ответил я и протянул интеллигенту две пары галош не по списку и вне очереди.

Археолог

Приехавший к нам археолог Б-ов успел всё же произнести в конце ужина: «Я хочу рассказать вам древнюю хурритскую легенду...»

Думаю, что это было последнее, что он произнёс на всю ближайшую неделю. Если уж я, вековой дуб, утром искал многие необходимые для меня предметы на ощупь, то про остальных сказать что-то положительное сейчас решительно нельзя. Их, беспечных, утром не хотелось трогать даже вилами. Могу сказать только одно: кавалеры не терялись, пока дамы из «Второго дыхания» давились горячей картошкой. У одной на плечах, помню прекрасно, покоилась целиком шкура пушного зверя с башкой. Я даже не знал, в чьи глаза смотреть: разницы особой не было, но у зверя они хотя бы не косили.

Потом я решил познакомиться с какой-то эффектной брюнеткой и, чувственно подприсев, двинулся навстречу счастью, но оказалось, что это зеркало, и я очень ловко обратил всё в шутку, хохоча в наступившей тишине.

Праздник, в финале которого я куражисто предлагал всем шампанского с клубникой, был посвящен археологии нового типа.

Я одно время посильно занимался археологией и справедливо нёс заслуженную репутацию самого невезучего археолога на всём белом свете. Там, где я выворачивал тонны и гнал кубометры, где работа лопатой была похожа на паровозные гонки времён Великой депрессии, где многие плакали, а многие смеялись, лупя по головам кулаками, словом, там, где я осуществлял руководство, не находилось ничего. Вообще ничего сколько-нибудь стоящего.

Как Калинин-царь сидел я у своей палатки, пока студенты трясли передо мной шестью кусками керамики. А вот Б-ов, выйдя по нужде в три часа ночи, мог случайно найти у обрыва кубышку с арабским серебром. Я закладывал по семь полных шурфов в спёкшейся глине, сжигаемый солнцем, и скрипел на зубах горьким пеплом, а Б-ов, помахивая совочком, обнаруживал захоронение методом случайного тыка.

Я превращался на глазах в завхоза, а Б-ов – в звезду.

Я стоял на перроне в ситцевом платочке, кланяясь в пояс проходящим поездам, а Б-ов в купе первого класса ехал в Париж.

Я водил боками, как обозная кляча, а Б-ов грациозно кланялся с медалью на шее.

В университетском музее мне был посвящён машинописный огрызок с надписью: «Часть бронзовых ножниц для стрижки скота», а Б-ову принадлежали не просто стеллажи, я их уже не считал, а целые панорамы: «Селище имениковской культуры» и «Погребение воина эпохи раннего железа» с выцарапанной на бревне из погребального костра кем-то совершенно неизвестным надписью: «Б-ов – козёл!»

Конечно, наши отношения из-за этого были очень драматичными. Помню ту трёхминутную паузу, когда я туманным утром с пакетиком глауберовой соли молчал у б-вского котелка с кашей. Помню и телеграмму, отправленную мной из Самары на хутор Челюскинец Дубовского района Волгоградской области, где любвеобильно квартировался наш археологический Моцарт: «Поздравляю двойней зпт целую зпт целую». Многие помнят случай, когда деревенские приходили нас бить, а я случайно в пылу битвы переметнулся на их сторону, прорываясь с воздетым армейским ремнём к конкуренту.

Но жемчужиной своей коллекции я считаю историю, о которой рассказать не решусь. Ключевым моментом в ней, впрочем, был мой крик: «На кого рассчитана эта клоунада с подставным уродцем?!» – и роспуск аттестационной комиссии.

А всё почему? А всё потому, что нельзя так! Нельзя фартовать на раскопе, пока другие плачут от отчаяния, глядя на луговые цветы.

БЫЛЬ

Третий день готовимся к свадебному торжеству в доме у бесполезного Федюнина. Украшаем его облезлую голову лентами и кисточками, водим его, расслабленного как после тифа, в баню, в которой он окончательно перестаёт соображать и начинает резвиться в предвкушении семейной жизни, взваливая груз своих прожитых лет на наши с Б-чем плечи. Естественно, каждый божий день застолья и праздники, гости сидят, обнимая двумя руками свои печени и тихо икая перед переменной блюд.

Ясно, что жрать столько и так часто невозможно. Иной раз приходится вспоминать что-то из жизни виновника готовящегося таинства. А вспомнить что-то хорошее про Федюнина непросто даже мне – известному человеколюбцу и другу. Встаёшь из-за стола, чтобы произнести здравицу в федюнинскую честь, а в голове вместо строгого плана предполагаемого хвалебного тоста чьи-то бараньи рога, свист, тьма, полураздетый милиционер и позёмка на пепелище.

Нет, я не настаиваю. Ко мне как к поздравителю тоже могут быть накоплены какие-то претензии. Обычно если я принимаюсь поздравлять какую-нибудь именинницу («А станешь стариться – сорви цветов, растущих у могилы, и ими сердце оживи!»), то по окончании тоста гости молча забирают свои подарки, отдают их мне и уходят на улицу навсегда. Может ещё дядя именинничный вернуться и ударить кулаком по заплаканной племяннице. Я в это время тщательно сортирую подношения и сгребаю в особую сумку салаты и отбивные, переживая за напитки.

Но такая радость у меня случается нечасто.

Вот что, что рассказывать о Федюнине?! Расскажу быль.

Это было давно, так давно, что Б-ч только докапливал в матрасике свой первый миллион, Федюнин имел головные волосы, а я был свеж и невинен, как утренняя фиалка в каплях росы.

– Поедьте по грибы! – внезапно предложил волосатый Федюнин осенним вечером. – Я знаю удивительно грибные места, которые буквально рядом с городом, ну, не то чтобы рядом, а как бы напротив, но всё равно недалеко, подышим свежим воздухом, запасёмся приятными впечатлениями. А?!

Б-ч отказался ехать сразу, у него был насморк, головные и грудные боли, опухшие суставы и гастрит. Плюс у него была мама, которая и раньше его в лес не отпускала, а по достижении им двадцати пяти лет и вовсе запретила без неё появляться на улице. Уговаривали Б-ча с час, прибегали к столику и отбегали от столика, били по рукам, плевали на пол, качались на стуле, вносили образа.

В конце концов я психанул – у меня это очень удачно получается – и сказал Б-чу, что раз он такой, то мы с Федюниным поедем за грибами одни, а в отместку за это Б-ч хоть раз в жизни оплатит наш ресторанный счёт.

При словах «оплата» и «счёт» лицо Б-ча обычно начинает приобретать осмысленное выражение, и он становится похожим на опоссума, который вот-вот притворится мёртвым и упадёт с ветки, держась за сердце.

Утром Б-ч первым явился на место старта нашей грибной экспедиции в шапке с козырьком и с ранцем за спиной. К тому времени Чикатило уже был казнён и паники на улицах стало поменьше, многие проходили мимо Б-ча почти равнодушно, не пытаясь его пнуть или укусить. Подтянулись и мы с Федюниным.

Экспедиция началась.

Через два часа блужданий в кустах и кривых сырых осинах даже оптимистичный Федюнин понял, что мы заблудились и не помним, где оставили свои машины, термосы, палатки и жратву. Б-ч хромал на две ноги и одну руку, которой он себе помогал при передвижении,

мотая шапкой с помпоном из стороны в сторону. Я был чуть пободрее и прикидывал в уме, кого первого бить палкой по башке на случай начала голода.

Федюнин торил нам дорогу через всё более мокрый ельник и уверял, что вот-вот, ещё немного и чуть-чуть. Я совсем было приготовился бить палкой Б-ча, как вдруг мы вышли на берег лесной реки.

Потыкав палкой в речные глубины и вынырнув после того, как соскользнул с травы в стылую воду, Федюнин предложил реку форсировать вплавь. Ибо обратную дорогу он не помнит, а идти вдоль реки бесперспективно, потому что река упрётся в ещё более могучую реку, потом в озеро, а потом окончательно опустится ночь и настанет время ужина.

Б-ч, которому плохело прямо на наших глазах, сказал, что плавать он совсем не умеет и в воду не полезет. Но Федюнин уже продевал в рукава штопаной курточки Б-ча ободранную молодую ель.

– Снимай с него сапоги – они будут поплавками! – скомандовал он, и я, как под гипнозом, начал, по-петлюровски взрыкивая, стаскивать с впадающего в беспамятство банковского сотрудника резиновые сапоги, надувать их и запихивать за б-чевский ремень подошвами вверх.

– Понимаешь ли, Федюнин, что мы с тобой распинаем иудея?! – спросил я максимально громко и добродушно, на тот случай, если бы за нами подглядывали. Понятно, что, услышав такое, к нам могли бы броситься толпы спасителей и сочувствующих, но в тот миг мы были очень одиноки.

Спуск на воду Б-ча прошёл в несколько этапов. Сначала мы подводили его к воде и опрокидывали лицом вверх в хладные волны, но он начинал захлёбываться и орать. Потом мы спустили его ногами вперёд, но он норовил перевернуться вверх килем, забрызгивая наши азартные лица прибрежной тиной.

Наконец решение было найдено, и первым в воду вошёл я, спиной вперёд, сжимая кедами лицо Б-ча. Сам распятый Б-ч раскинул руки вдоль продетой сквозь него палки и не дышал, держа в зубах ранец, а Федюнин замыкал наш конвой, забросив ноги Б-ча себе на плечи и отталкиваясь мощными рывками олимпийского брасса.

В таком состоянии нас и застигли какие-то совершенно левые местные грибники с корзинами, маслятами, опятами и прочей ерундой.

Говорят, что двое очевидцев сразу чокнулись. А третий рехнулся спустя три дня, уже в больнице, под капельницей психотропной.

Девушка с кладбища

Что можно сказать девушке на кладбище?

В принципе, немного.

Подстригаю траву на семейной могиле. И тут из-за соседней могилы поднимается незнакомая девушка. Я сразу обратил внимание, что незнакомая.

Слез с дерева. Поднял ножницы. Думаю, ну что ж – вот твоя последняя кадриль, Джон. А если повезёт, то и твоё, могильная упыриха, финальное танго.

– Вы испугались? – девушка спрашивает.

– Не знаю пока... – отвечаю честно. – Как сложится беседа.

– Не бойтесь, – говорит девушка из-за могилы, – я тут бываю нечасто, просто приезжаю к своим и ложусь рядом.

– Похвально, – отвечаю.

А что ещё тут скажешь-то?

– А вы тут часто бываете? – спрашивает девушка.

– Мы, нищие, – говорю, – обязаны следовать религиозному календарю. Бываю часто.

Специально про религию ввернул. Мол, знаем, что и как, если что.

– Здесь очень хорошо думается, – говорит девушка.

– Ещё бы, – эхом отзываюсь, – тут как в жизни: лежишь с одними, думаешь о других, а хорошо только тебе.

– Вы только охранникам не говорите, а то они почему-то возражают.

– Не представляю даже почему, – отвечаю, – не представляю!

– Меня зовут Оксана, – говорит замогильная моя.

– А меня... – тут я отчего-то замешкался. – Игорь Павлович.

Просто подумал, что «Джон» прозвучит в этой ситуации неискренне. Это как в очереди к дерматологу: меня – Оксана! – А меня – дон Эстебан Франсиско-и-Вега Коварубио, вице-король Перу!

– А фамилия Воскресенский, – добавил.

Тоже со смыслом. Редко что делаю в беспамятстве, кроме важных вещей биографического плана.

– Вам воду принести? Мне не трудно, – предлагает замогильная собеседница.

– Водички было бы неплохо, да, – шепчу, – водички. Для Игоря Павловича.

Ушла куда-то.

Я ещё ножницами пощёлкал, но сосредоточиться уже невозможно, понятно. И главное – муравьи же кругом страшные, все ноги мне изгрызли. Как она-то тут, думаю, возлежала? Меж холмов-то горестных?

Не дождался.

На кладбище появились новые услуги: лифт, плакальщицы и услуги церемониймейстера.

Церемониймейстера можно выбрать из предложенного списка с фотокарточками. Мне все очень понравились. У каждого церемониймейстера свой слоган. Мне особо понравился «Горе надо пережить всем вместе».

Не забыть написать в завещании, чтобы меня, когда настанет пора, закатали в рулон целлофана и выкинули в канализацию в первое же полнолуние.

Про цирк и дядю

Дядя мой был одержим идеей дышать полной грудью ветром странствий и получать за это огромные, даже шальные деньги.

Именно от него я услышал чарующие термины «подъёмные» и «по аккредитиву».

Кем он только не работал, в каких только зарплатных ведомостях не значился! Трудовая книжка у дяди была толщиной с колхозный локоть. А паспорт, если его брали за уголок, морщинисто перегибался и свешивался к земле. Между страниц паспорта лежали соль, песок и фотографии довольно толстых женщин.

Когда мы узнали, что он устроился работать инженером у фокусника Кио, который второй месяц аншлагово гастролировал у нас в городе, то удивились не очень сильно.

Сильно мы удивились, когда дядю в составе проверенной цирковой труппы взяли в зарубежную поездку. Вот лично я на месте пограничника, увидевшего в окошке паспортного контроля лицо дяди, нажал бы ногами несколько тревожных кнопок одновременно. А руками попытался бы не выпускать обратно просунувшееся в паспортное окошко дядюшкино лицо. Наверняка я бы при этом ещё рычал: «Врёшь, не уйдёшь, не доводи до греха» и тому подобное.

Такая была у дяди особенная физиономия. Она как бы просила заиндеветый конвой немедленно открыть огонь на поражение. Очень опасное лицо было у дяди.

Пошли мы с ним один раз в зоопарк. Дядя тогда только вернулся с плавучей рыбозаготовительной фабрики в Тихом океане и радовался открывшейся возможности ходить по земле. Я смотрел на размножение обезьянок и остро соперничал процедуре, а остальные зоопарковые посетители, позабыв про приматов и мороженое, смотрели на моего дядю.

А ему это всё было безразлично. Себе цену он знал, держал себя весомо, носил нейлоновые рубашки с пышными бакенбардами и умел нравиться продавщицам. Большого ему и не надо было. Он практический был человек, материалистического направления. Романтика без подъёмных казалась ему глупостью.

Так вот, во время поездки в Венгрию дяде поручили наблюдать за семьёй злобных маленьких людей (их раньше называли лилипутами).

Семья пьющих лилипутов мне очень понравилась. Семьей я их называю из-за невозможности подобрать другое определение. Стая – грубо, банда – некорректно. Семья.

Лилипуты группой жили в одном гостиничном номере. Так за ними было удобнее следить администрации. На ночь лилипутов запирали на ключ.

Гостиница «Волга» была постоянно переполнена командировочными. А командировочный – лёгкая добыча для сотрудников гостиницы и уж тем более для участников цирковых иллюзий.

Во-первых, по вечерам командировочные редко бывали трезвыми и тосковали. Повальная игра в карты, поиск телесных развлечений по этажам, алкоголизм и драки. Лилипуты активно пользовались этой питательной гостиничной средой. Работая у Кио, они прекрасно играли в карты, практикуя отлаженный командный стиль. Это когда один умело тасует, второй умело кидает маячки, третий может отвлекать внимание, а четвёртый стоит на стрёме. С таким подходом лилипуты могли бы выигрывать в шахматы у Карпова и Полугаевского. Но в шахматы, конечно, не так интересно: много рутинного, затратного по времени, и потом, попробуйте спрятать на себе третьего ферзя, а затем ловко ввести его в игру, сдувая табачные крошки с доски, – это хлопотно. В карты им было интересней, веселей и выгодней.

Во-вторых, лилипуты были драчливы, отважны и умелы. В тесноте и темноте гостиничных коридоров за лилипутами было огромное тактическое преимущество. Все уязвимые участки командировочных тел были в прямой лилипутской досягаемости. А болевые точки

лилипутов – ты их попробуй разглядеть сначала, таёжный богатырь! Когда вокруг тебя только чьи-то глаза блестят в темноте на уровне солнечного сплетения...

Так что хоть и запирали артистов оригинального жанра на ключ, всё равно гостиница была в их полном распоряжении. Угрюмые гномы тащили в свою пещеру трофеи, полученные от зазевавшихся и ослабленных. Добычу сбрасывали с третьего этажа в кусты сирени, в которых таились их поделники – ночные водочные таксисты. Обратно в номер захватчики затачивали на верёвках оригинальных согласных женщин и спиртные напитки.

Я отчего так подробно про эту свистопляску знаю? Бабушка моя после отставки работала в этой гостинице директором. А я же постоянно был при ней, набираясь опыта. Бабушка прозорливо подмечала мои наклонности и направляла их в нужное ей русло. Ей хотелось быть основательницей финансовой династии.

Старший лилипут (Афанасий Сергеевич) подарил мне с разгона при первой встрече нож, а его коллега (Михаил Павлович) научил меня этот нож метать в цель. Некоторое время соседи по нашей коммунальной квартире были парализованы моими яркими выступлениями в общем коридоре. Метал я этот нож в самые неожиданные моменты и в любые подходящие цели. Когда тебе шесть лет и у тебя есть нож, подаренный лилипутами, весь мир в твоих ладонях. Соседи долгое время, даже после того, как нож у меня обманом отобрала мама, многозначительно кашляли, топали ногами и стучались в дверь при выходе из своих комнаток. Случай с бабой Аней многих насторожил навечно.

Дядя с лилипутами очень подружился, а лилипуты приняли дядю в свою разнузданную компанию. На озере Балатон семья лилипутов и принятый дядя пошли купаться, предварительно вкусив купленного в аптеке вкусного и полезного спирта.

Далее начинается легенда, за достоверность которой я ручательства не даю.

Организм пьяных лилипутов на жаре ведёт себя весьма произвольно. Чуть более трезвый дядя, распушив бакенбарды, сначала гонялся за ними по пляжу, предотвращая лилипутские бесчинства на чужбине. Туристы из братских стран социализма громко смеялись, наблюдая такое весёлое и, что важно, бесплатное представление замечательных клоунов советского цирка.

Потом лилипуты кинулись в балатонские пучины, и дяде показалось, что вот, лилипуты сейчас все утонут, а ему из-за этого не дадут премию. А возможно, отберут чеки Внешторга.

Дядя (а он был человеком редкого атлетизма) стал спасать обречённых коллег. Он выхватывал из воды одного лилипута и отшвыривал его на мелководе, потом настигал второго и отправлял его вслед за первым, краем глаза примечая бурунный след на воде от третьего. Пока шла погоня за третьим, первый и второй лилипуты снова кидались в опасные глубины.

В конце концов на зрелище жонглирующего лилипутами пьяного инженера приехала венгерская полиция. Потому как братские туристы смеяться перестали, а стали противно орать. И случилась драка, в которой дядя почти победил, но очнулся в общей камере с мокрыми крошечными друзьями на руках.

Он так и вышел к приехавшим за ними администратору цирка и куратору из униформистов. Как Богородица вышел, неся в охапке обмякших любимцев.

Лилипутов из-за их незаменимости в зарабатывании Госцирком валюты оставили на работе, а дядю из шоу-бизнеса безжалостно выкинули. Тогда-то он с расстройства и женился на моей тётке-модели.

Тётка моя работала самой настоящей модной моделью, изящно рекламируя мохеровые шапки в глянцевах изданиях «Работница» и «Вяжем сами». Её с дядей внуки сейчас живут у меня, будоража наш мирный посёлок своими проявлениями пробуждающейся женственности.

Роддом

Одной из моих любимых римских богинь всегда была Генита Мана. Она отвечала за рождение всего смертного. Как только у римлянина в доме рождалось что-то такое смертное, допустим, ребёнок какой-то, то римлянин хватал подвернувшуюся собаку и спешил к храму Гениты Маны. Приносить собаку в жертву и молить, чтобы «никто из домочадцев не стал добрым».

Сейчас у роддомов папаш много, видно по ним, что страдали они крепко и пришли засвидетельствовать свои муки перед другими папашами-страдальцами.

Помню, родился у меня очередной наследник мужеска пола. Услышав весть, захлопнул я потрёпанные от dobroупотребления святцы, остановившись пальцем на имени Вавилония Каппадокийского, святителя герульских вождей.

Вавилоний Джонович, подумал, имя кассовое, может прокормить семью из пяти человек только появлением на афишах. Так и назову! Пока я ещё крепок, отобьюсь от благодарного дитяти самостоятельно, а потом государство вступится, не даст забить меня до смерти Вавилонию, да брату его Хрисанфу, да ещё брату Карментину, да брату Гермогену и сестре их Эстебании Джоновне.

Приняв решение, выпил с друзьями, которые привычно слетелись на пиршество по случаю. После пиршества пошли толпой к роддому. Я уже трезветь начал, думаю, эх, стыдно как. Родился малютка Вавилоний утром, а сейчас уже вечер, матушка его будет на меня серчать и ругать за чёрствость.

Трусливо купил цветы по дороге. Потом ещё купил цветов, не помешают, думаю. Она ж мастер спорта.

Пришли, сталбыть, а кругом жара несусветная. Июль. Б-чу плохо стало, мы его чуть не потеряли в асфальтовом мареве. Федюнин взял Б-ча на закорки, и мы встали под окнами родильных чертогов живописной группой «Буцефал выносит больного дизентерией Александра с поля боя». Я с букетом, Федюнин с Б-чем. Вставай рядом и фотографируйся.

Б-ч, привстав на федюнинских плечах, стал тонко кричать, перевирая имя:

– Катерина! Мы пришли! Выглядывай в окно!

Мать Вавилония выглянула, увидела нашу композицию и от окна отошла.

– За кипятком, – сказал я негромко в букет, – за кипяточком, друзья мои, она пошла. Там для таких, как я, постоянно кипятилок держат. Чан бурлящий. Кеша, отойди с Б-чем подальше, я сам приму муку кипятковую, а вы потом подойдёте, окажете мне помощь первую...

На душе продолжало быть стыдно, горько и страшно.

Тут подходит ещё один папаша. С кульком ягод. Кулёк из газеты, ягоды дали сок, и падает этот кровавый сок в пыль, скатываясь в кровавые шарики. Праздник.

– Таня! Таня, глядь, Таня! – на одной ноте орёт папаша. Сам в майке, в трениках, на ногах какие-то тапочки с ромашками пластмассовыми.

Выглядывает его зазноба.

– Ты где был? – спрашивает взволнованно. – Я тут пятый день тебя жду!

– Таня, я принёс тебе ягод... – сосед торжественно говорит. – Ягод, Таня...

Таня видит. Его, ягоды, меня, Кешу с Б-чем. Б-ч даже рот закрыл, так Таня на нас посмотрела. Да и Кеша поджался. Втянул свои лишние пять кэгэ внутрь тела.

– Я, Таня, принёс тебе ягод и соскучился очень... – сосед не унимается, паузу держать совсем не умеет, не дожидается отзвука от зрителя, ломит напрямую. – И вот что... Ты там ешь, да? А что? Ясно, погоди... Я чего зашёл-то? У тебя, к примеру, нет рублей триста?..

Я успел отскочить метров на двадцать одним прыжком, отбросив букеты, что тебе чирлидерша со стажем. Б-ч спрыгнул с Федюнина очень ловко и тоже как-то укрылся, а вот Кеша сплюховал. Часть цветочного горшка по нему попала, рикошет какой-то.

Римляне были практичнее.

Деньги

На моём загородном холме наш могучий лев Иудеи Б-ч признался, что его душит линия горизонта, которая тут повсюду.

У нас есть иные версии насчёт того, что именно душит Б-ча.

Из озорства недавно мы под разными надуманными предложениями убежали из питательного заведения открытого типа, в котором весело отдыхали. И, что называется, притаились хохочущими гиенами в зарослях, ожидая оплаты Б-чем счёта. Стали злорадно наблюдать, надеясь увидеть горе на лице друга.

Я лично особых иллюзий не питал. Потому как прекрасно помню золотую осень 1988 года. Меня выгнала из съёмной квартирки злая домовладелица, и я нашёл себе временное пристанище в нашем уютном общежитии.

Именно тогда я впервые увидел молодого юриста Б-ча. Он был прекрасен, хотя уже тогда его ежечасное служение богине Экономии начало сказываться. Например, Б-ч редко надевал свои собственные ботинки. Особенно в дождливую погоду. А я ещё удивлялся первое время, отчего Б-ч спросил у меня про размер моей ноги и сверкнул в полумраке комнаты огненным взором, выяснив, что сорок первый.

Конечно, с добротным сорок третьим очень трудно влазить в боты сорок первого и бегать по лужам из корпуса в корпус. Но ничего! Практика показала, что вполне себе можно. Главное, как мне кажется, в этом деле заносить ногу при ходьбе не прямо, а несколько колесом вбок, тогда ступня соприкасается с землёй не болезненно сжатым носком, а ребром, что не так больно. И колени надо немного подогнуть, так тоже легче получается. Плюс руки без дела не дремлют – тут стеночка, тут колонна, знай себе отгалкивайся. И таким вот одомашненным павианчиком давай-давай! Давай-давай!..

Одно из самых тёплых моих воспоминаний. Помню даже, специально подбросил Б-чу лакированные в 1957 году ботинки тридцать девятого размера (выпросил для такого случая у режиссёра Муромцева). Стиль хождения приятеля претерпел значительные изменения и обогатился звуковым сопровождением. «Длять» – как-то так всхлипывал Б-ч при каждом шаге.

Ещё у Б-ча был ритуал проглаживания денег утюгом. Немногие могут похвастаться тем, что видели его наяву. Я могу похвастаться. Получив стипендию, Б-ч немедленно шёл в общежитие. Немедленно, где бы стипендия его ни застигла. Роспись в ведомости, мгновенное шуршание коброй, и Б-ча уже нет. Он уже у себя в номере, проворачивает ключ двумя руками в скважине (да, вот такой ключ), набрасывает цепочку и включает, трясаясь от предвкушения, утюг.

Потом, не мигая и не сглатывая, чёткими движениями самурая Б-ч доставал свои 40 руб. и немедленно, одним взмахом рук, похожих на голубиные крылья, распределял их по достоинству и степени ветхости. Самые ветхие бумажки Б-ч слегка смачивал водой, заворачивал в промокашку и гладил именно через промокашку. Прочие трёшки и пятёрки гладил просто так, но нежно и с двух сторон. «Денюшки» получались хрустящими и несколько выгнутыми, похожими на старательных новобранцев на плацу.

Как Суворов, Б-ч берёт солдатиков своих, не разбрасывался ими, о нет! Он раскладывал их по отделениям в специальном портмоне из кожи томительно шоколадного цвета. По общаге ходили слухи насчёт происхождения этого портмоне, самого жуткого свойства. Я лично отстаивал версию криминального следа с дореволюционных времён.

– Посмотри на свои деньги! – говаривал мне Б-ч, размачивая подобранный где-то сухарик в чае. – Ты хранишь их как попало, они у тебя неопрятные и неприятные. Запихнуты какими-то комками по карманам. Ты относишься к ним как к мусору и подсознательно хочешь от них избавиться, поэтому и траты у тебя дикие, и совесть потом мучает. А у меня всё иначе...

Мне мои даже доставать совестно, настолько им у меня хорошо! Поэтому у меня всегда будут деньги, а у тебя никогда их не будет, как мне это ни горько тебе сообщать...

Однако на Б-ча всё же сходили порой затмения по финансовой части. Однажды он начал ухаживание за какой-то девушкой и в диком кутёжном загуле, ошалев от гормональных перспектив, пригласил на свой день рождения и девушку, и её подругу, и меня, и ещё биолога Соломатина.

Украшением стола стала трёхлитровая банка с повидлом и четыре бутылки водки. Нам с Соломатиным очень понравилась лаконичность сервировки, её суховатая графичность и законченность. Оформление застолья не оставляло никакого выбора. Вот шпроты на столе – они двусмысленны, от них может веять даже отказом. Или виноград какой-нибудь... Что от него ждать хорошего? Легкомысленность одна. А тут всё ясно – водка, повидло, раздевайтесь. И вообще... Хлеб был, сыра немного, пять толстеньких кусков розовой с серинкой колбасы, пряники мятные. Сахарный песок в банке из-под кофе. Что ещё нужно для оргии, господи ты боже мой?!

Выпили вкусной и питательной водки (девам Б-ч посоветовал не закусывать колбасой, а больше налегать на повидло), съели колбасу, помолчали. Потом Б-ч сбегал за гитарой. Потом выпили ещё, и девы начали петь (повидло не очень помогло в закусочном смысле). Потом что-то там ещё такое приключилось. Что-то там девы орали недовольные, требовали дверь открыть. А им в ответ как-то игриво напоминали про сожранное...

Короче, когда свет у меня снова включился, биолог Соломатин спал, обиженно придерживая руками лицо, а Б-ч плакал, упершись головой в оконную раму. «Не рано ли я проснулся? – спросил я сам себя. – Не увижу ли я теперь чего ещё пострашнее?!» Над моей головой качалась голая лампочка, олицетворяя собой веселье и посильную эротику.

– Прекрасно! Прекрасно! – прошептал я и отплыл к новым берегам.

Оплаты счёта Б-чем мы прождали, сырея в кустах, ровно час с четвертью. Всё это время Б-ч ждал нас, счастливо глядя по сторонам. Вокруг него ходили официанты. Смахивали перед его носом пыль и крошки. Двигали столы. Б-ч был благостен и мил. Так он мог просидеть ещё сутки. Всё с той же детской трогательностью во взоре.

Только представьте: луна, ресторанная веранда, мохнатые звёзды, шелест прибоя – и все так же улыбающийся Б-ч блестит серебром. И дышит сквозь зубы.

И цикады.

Окурки

Очень, очень давно, на робкой заре плейстоцена, работал я в нашем градоначальстве по особым поручениям.

В сбитой набекрень треуголке с плюмажем бдительно следил за тем, чтобы мирным нашим обывателям нигде не чинился ущерб.

Входил в дома к вдовам с букетом трогательных незабудок, утешал дрожащих на морозе сирот, сноровисто засучив рукава, перевешивал у вороватых лавочников колониальный товар для инвалидов, раздавал на улицах, добро улыбаясь, кашу из полевой кухни, крестил и отпевал, пресекал злонравие и возвеличивал добродетель.

Ввёл в обиход нашего уезда манеру танцевать мазурку «по-варшавски», громко топая при каждом чётном такте и подпрыгивая весьма искусно. Читал по радио «Книгу пророка Иезекииля» по ролям.

Неудивительно, что был я тогда очень честным. Времени на злоупотребления не хватало катастрофически. Да и конкуренция была по этой части очень сильная. Пальто своё зелёное с лисьим воротником и одинокой медалью постоянно на руках держал. До того коллег знал, что, поздоровавшись, украдкой пересчитывал потом пальцы на собственных руках. Но не всегда помогало – поэтому десятипальцевым методом печати не овладею теперь никогда.

И вот вызывает меня, столпа честности, градоначальник на совещание, посвященное очередному готовящемуся акту милосердия. Колодников решили всех перетопить на день города или переименование какое долгожданное – я сейчас уже и не вспомню. Помню, что ничто не предвещало беды.

– Послушай! – вымолвило мне с тронной вершины державное лицо. – Послушай! Знаю тебя как справного исполнителя нашего добросердечия. Но вот за одним ты не уследил, красавчик... – Державное лицо замолчало, дав мне возможность кинуться на колени с целью целования кормящих меня дланей. – Да, не уследил... – продолжил градоначальник, успокаивающе глядя мои сотрясающиеся от рыданий плечи. – Посмотри внимательно на дерзких водителей нашего очаровательного города, гордо и просвещенно стоящего на могучей русской реке. Сии водители, находясь в неприличном изумлении, выбрасывают окурки из окошек своих автомобилей и тем самым сильно меня огорчают. Я перестал из-за этого спать. Ты должен начать с этим борьбу, и борьбу самого решительного свойства. Жизнь заставляет нас быть беспощадными, сынок.

И палец владыки упёрся в потолок.

– Создадим комиссию? – с надеждой спросил я, утирая слёзы полой градоначальниковой мантии.

Я очень хотел создать хоть какую-то комиссию. Или даже консультативный совет. И быть там председателем. Помимо чисто эстетической прелести, создание комиссии отдаляло от меня весёлую перспективу погони за водителями-окурошниками по кривым переулкам и буеракам. Сами посудите: одно дело – торжественно вести заседание в мраморной зале под опахалами экспертов, отпивая из бокала «Вдову Клико», и совсем другое – топтать тяжёлыми сапожищами за «жигулями», натужно свистя в казённый свисток.

– Обязательно, обязательно создадим! – растроганно вымолвило их сиятельство. – Во благовремение, благословясь, сформируем и некую программу. Но покамест иди в ночной патруль, держай, и преуспеешь! Препоручаю тебе надежды наши...

Гербовой орёл на стене простёр надо мной крыла. Ударил городской пожарный колокол. На стене чья-то неведомая рука кровью начертала: «Не курить! Не сорить! Штраф 100 рублей!»

Я на коленях выполз из чертогов.

Взгляд мой был пронзительно ясен.

Краевед Краснов

Взмыленный вестовой донёс сегодня поутру, что пропал краевед Краснов, проклятие всех местных археологов.

Прочтя депешу, перепрыгивая через ступеньки, вбежал я в библиотеку свою и, воя от радости, катался по полу долгое время. Трудно поверить в такое вот счастье.

Конечно, я не хочу, чтобы краеведа Краснова нашли мёртвым в вороньем овраге, на сундуке с сокровищами Степана Разина, поискам которого он посвятил лучшие пятьдесят восемь лет своей жизни. Хотя, признаюсь, неоднократно мечтал именно о такой развязке. На периферии этой фантазии маячили ещё волки-людоеды и жаба-душительница. И огнедышащий зверь саламандер, исходящий ядовитым потом при виде жертвы.

Я не хочу печального.

Я хочу, чтобы краеведа Краснова нашли живым и здоровым. Но без памяти. В пяти тысячах километров отсюда. Или в семи тысячах. Так надёжнее, если в семи. Но и такие расстояния не гарантируют счастья. Краевед Краснов может преодолеть пешком и гораздо большие расстояния.

А ещё его иногда подсаживают попутные машины. Он вообще очень обаятельный человек. И собирает свою кровавую жатву не со зла.

Водители машин, подсадившие себе в кабину (а значит, и в подсознание) краеведа Краснова, обычно умирают от мозговой горячки примерно через неделю. Я знаю – я веду посильный учёт. Был один случай, когда водитель прожил месяц. Но очень мучился. Этого водителя отвели в лес, и там он попросил, чтобы его разодрали посредством двух берёз, так он хотел прекратить поскорее свои муки.

Только восемь заволжских святых старцев (я в их достойном числе) могут сносить общение с этим локальным феноменом-инферно около получаса без особых последствий для здоровья. Но для этого мы должны стоять в магическом восьмиугольнике, держась за руки и заткнув уши размягчённым воском от афонской свечи. Желательно, чтобы у каждого был чёрный плат с вытканными на нём василисками. Платом сим следует бережно обматывать голову поверх фольги. При соблюдении этих мер можно продержаться даже минут сорок, ответствуя на пытливые вопросы самородка. Но потом придётся, конечно, худо. Ладно, если только часть тела парализует и рвать желчью будет неделю-другую.

Краевед Краснов был первым случаем одомашнивания сельской интеллигенции. Сам-то он долгое время был пастухом в колхозе им. Серафимы Губкиной. И ничто в поведении будущего краеведа не предвещало беды. Пьянство и блуд, безделие и воровство были основными занятиями сего злого кудесника в молодости. Так, в принципе, жили все колхозники-мальчишки. И это нормально.

Но потом в колхозных окрестностях нашли некий археологический памятник ямной культуры, и беда постучалась в двери. Краснов за два археологических сезона превратился из душики-пропойцы, которые тысячами трутся у каждого археологического лагеря, в демона.

Он стал читать. Он стал ходить в самостоятельный археологический поиск. Он стал приносить в лагерь то, что ласково называл «артефактами». Стал петь у костра. Стал вести дневник. Перестал выпрашивать самогон и начал пить лосьон «Огуречный».

На Краснова стали смотреть с опаской. Причём все. И односельчане, и приезжие. Лосьон в сочетании с брошюрой «Люби родной край» – он ведь любого насторожит.

Как и все свежие безумцы, Краснов долгое время был крепок телом и ходил с сапёрной лопаткой за поясом. Так он и пришёл в январе через замерзшую реку Волгу в университет. Решил не дожидаться мая. Стосковался как-то...

Именно на книжном развале в университете он и купил книгу академика Фоменко. И полностью прозрел.

А над нашими головами загудел набатный колокол обречённости.

Дикий барин в офисе

Повязывая галстук

Очень многие в последнее время стали задавать мне вопросы, связанные с родом моей деятельности.

Для меня такое любопытство кажется странным. Люди не верят, что чтение псалмов на паперти взаправду может кормить!

Я даже сначала обижался и подбегал украдкой к зеркалу, чтобы посмотреть на себя и понять причину столь пристального интереса к роду моих занятий. Не знаю, не знаю, придирчиво шептал я, поворачиваясь то так, то эдак перед трюмо, чем это я возбудил такое любопытство...

Любой Шерлок Холмс может подойти ко мне, хрустя пустыми ампулами с семипроцентным раствором под ботинками на пуговицах, и сразу же догадаться, кто я такой и чем зарабатываю себе на кусок горького хлеба и кружку дождевой воды. Раз в тельняшке – значит, моряк. Деревянная нога, подсыхающая у камина, говорит о том, что моряк я не очень хороший, но с богатым прошлым, скорее всего, боевым. Где у нас была война последний раз? Значит, боевой моряк из Кандагара. Любит сидеть на стульях верхом, значит, кавалеризмом занимается. Боевой моряк-кавалерист из Кандагара. Часто матерится. Известное дело, гуманитарий. Татуировка «Саша» на тыльной стороне ладони помогает понять, что зовут меня Саша. А сердце, пронзенное стрелой, под синим именем – что я очень эгоистичный, самовлюбленный Саша...

В общем, отшучивался я всегда. Не хотел говорить правду. Я люблю, когда интрига.

Вот спрашивают у тебя сгрудившиеся за столом собутыльники, толкаясь плечами в прогормом чад, под визги шансонеток, а ты им не отвечаешь, а просто, не торопясь, портрет государя-императора с автографом на стол выкладываешь и бровь соболиную выгибаешь. Пусть поломают голову, не всё же им первых комсомолок по деревням да агитпоездам таскать из ельника.

Это я к тому, что заждались меня на моей работе. Там от меня на этаже только секретарь моя осталась. Который месяц выходит на трудную вахту: сидеть и ждать. Её даже уволить хотели из глупо понимаемой экономии фонда. Потому как она разучилась делать всякие необходимые для секретаря вещи.

А я не дал её увольнять. Сказал, что секретарь моя выполняет функцию пиджака на стуле в советском НИИ. И что, если её уволить, все поймут, что я вернусь не скоро, и тогда начнутся по кабинетам кровосмешение всяческое и преступные заговоры.

В понедельник возвращаюсь в родной уезд, но ненадолго. Вдохну в душу секретарскую надежду, и обратно. А то совсем там она у меня одичает. Её дразнить тогда начнут, бросать в неё конфеты в бумажках, бычки и монетки. А она за это будет кланяться...

Нет, не хочу такого.

Традиции

У меня есть традиция.

У каждой ветви моей семьи есть традиции. Одна ветвь вот уже 500 лет гоняет с собаками по вересковой пустоши приходского священника в пасхальную ночь. Работа викарием в нашем приходе считается карьерным тупиком.

Другая ветвь моей семьи имеет традицию драки у туши выбросившегося на берег морского животного. Раньше морских животных на берегу было больше, и предки были покрепче. А теперь животные прознали про традицию, и ветвь моей семьи с тоской смотрит в море. И продолжает ждать. Фильм «Алые паруса» видели все. Вот тут то же самое, только в руках у ассолей ножи размером со штыковую лопату.

Ещё одна ветвь моего древа традиционно уезжает в Африку, чтобы нести африканским людям счастье. Некоторые по традиции после Африки возвращаются домой и дальше всю оставшуюся жизнь лечатся у эпидемиологов и психотерапевтов. Психотерапевты потом вынужденно лечатся у эпидемиологов. А эпидемиологи бегают к психотерапевтам, чтобы те им тоже помогли в перерывах между приступами рвоты и галлюцинаций.

Моя традиция простая. Я при возвращении из отпуска срочно уточняю по списку, кого из сотрудников как зовут. Некоторых вспоминаю сразу по их характерным физическим недостаткам, а некоторым прикрепляю на лоб бумажку с порядковым номером.

А потом сажусь играть с ними в покер.

Ничто так не объясняет помощнику начальника смены охраны склада просроченных пропаногазов (а я вот уже три года исполняю эти обязанности, должен признаться), что произошло в его отсутствие на рабочем месте. Отчёты, доклады, притащенная на веревке медсестра – это всё не то. Не складывается картина изменений. А вот усади всех за стол, раздай карты, начни игру – всё как на ладони. Кто с кем что и как. Сколько кому и отчего подлокотник моего кресла изгрызен. Покер выдает мысли, настрой, у кого сколько денег и черных дум на сердце.

В покер с сотрудниками я всегда выигрываю. Это часть традиции. Проигравшихся волоку к креслу и примеряю к погрызу. Смотрю на всех безразлично, пальцами ног зажав под столом карандаш, выводя чуть прыгающие заметки на бумажке. «Семченко – пятый валет... Протасев – не потеет... целуются... сбросил четыре карты, а часы новые... Номер 18 – кто такой?!»

Выиграв, всегда подвожу мораль тайнства.

– Я выиграл! – говорю. – Бог есть, а вы все проиграли!

И начинаю смеяться. А пальцы под столом шир-шир, кто первым засмеялся, а у него часы новые, кто засмеялся вторым, но с таким видом, что засмеялся первым, третий засмеялся с первым, а на второго не смотрит, кто такой номер 18?..

Выиграл, значит, всё сгреб в кучу неопрятную, разложу дома, в покое. Развязал игрокам руки. Попрощался. Выключил свет. Запер подвал. Вышел на свежий воздух. Замок ещё подёргал.

– Не скучайте, родненькие! – говорю. – До завтра. В том ведре – вода. А у меня теперь новые часы.

И ногой в дверь так – бум-бум.

Ежедневники

Рассматривал молчаливо коллекцию ежедневников за последние сто сорок семь лет своей трудовой биографии.

Что могу сказать? Признаки упадка мозговой деятельности, конечно, очень заметны. Видна тенденция.

Первые ежедневники, титульные листы которых красочно и благописно иллюстрируют с киноварью крушение татаро-монголов при реке Угре, – они дышат оптимизмом. Много вставок, вклеек, использованных билетов, счетов из гостиниц, фотокарточек и прочих следов. Графики какие-то. Вокруг некоторых записей восклицательные знаки. Красные чернила, черные чернила, образцы подписей. Мат на полях. Какие-то подозрительные следы от брызг не пойми чего. Ежедневник за 1998 год прокушен в двух местах. Судя по левому клыку, мной.

Ежедневники более позднего времени гораздо сдержанней. Сокращения, заметна небрежность во всём, появляются незаполненные дни. А уж последние ежедневники, исусенасхрани, просто убивают. Видно, что что-то я пытался записывать и соответствовать, тянулся пером через стол, чтобы запечатлеть и зафиксировать, а, нет, всё, не дотянулся. Проплешины в записях на целые недели. Что я в эти недели вытворял? Загадка. Слава богу, ничего не помню. Кардиограмма деловой активности плавно выходит на точку, когда санитарка закуривает у твоей постели.

Сближает одно: от первого до последнего ежедневника ни один не закончен. Ни один. Все сворачивается пятого декабря. Пятое декабря, а сразу за ним 18 января.

Как Шелленберг

У Вальтера Шелленберга в рабочий стол были вмонтированы пулемёты. Чтобы, значит, удобно было начальнику шестого управления РСХА. Или для шику. Не знаю пока.

Я мечтаю о другом. Вмонтировать бы мне в рабочий стол батарею пульверизаторов с гаммой запахов. Слушаешь собеседника, наклонившись доверительно к нему через пространство моего генштабистского стола, а сам задумчиво перебираешь проворными пальцами ног кнопки «впрыск». По всей гамме пробежишься, пока примешь окончательное пахучее решение. Как импровизатор на лайнере в тропиках за роялем в смокинге. Откинулся и пальцами так: тара-рам-тарам-тарам-там! Трам-ба-ра-турам-туруру-бам! И ещё раз всей ножной десятипальчиковочкой – хлобысь по кнопкам!

Хорошо всё, доволен, сыто хохочешь – вот тебе, не знаю, морской бриз в Сан-Тропе с оттенками рома и пряного запаха танцующей мулатки. А если нет, не очень хорошо, то не взыщи, н-н-на тебе эссенцию из чего бог послал. Вот тебе каптёрка, вот тебе «Саша», вот тебе курилка, вот тебе освежитель «Ландыш», вот дезодорант золотозубой Светланы Пантелеевны! А вот и нотка стоматологии, принюхайся, вбери трепещущими от ужаса ноздрями. Запах булок и корицы в кофе – это не для тебя, а для тех, кто исполняет мои преступные приказы вовремя! А тебе пока запах библиотечного ящика с карточками, поскучней, пожухни, оботрись рукавом вязаной маминой кофты, подбери с пола очки...

Ну, некоторых встречал бы спецпрепарат «Скунс», как только эти фигуры в проёме двери появятся. Залпом из всех стволов.

Люди бы задумывались, прежде чем вползать в мои чертоги с проектами в оставшихся зубах, с предложениями и жалобами. Кумекали бы, прикидывали бы шансы. Спрашивали у секретаря, мол, как сам, шибает лавандой? А секретарь сдвигала бы на лоб респиратор поверх слезящихся глаз и сипела обожжённым горлом: не, нормально сегодня, кха-ха-кха, два раза секвойя, два раза альпийские грёзы, сейчас посмотрю, да, разок, бха-бха-кха-кхкхик, шипр, три раза богатый сортир, это он случайно нажал, ещё западает кнопка на Казанском вокзале, жаловался, видите, долбанул по мне горным озоном, а-ха-хых, а так всё нормально вроде, сегодня несвежего тушканчика пока не было.

Мне-то ведь интересно овладевать методами невербального воздействия на все органы чувств собеседника. Разом.

Корчить рожи у меня выходит отменно. Брови выгнешь, челюсть нижнюю вперёд, руки в бока и походка тигра, как в китайской опере, сразу на всю стопу на полусогнутых растопыренных ногах. Шагнёшь так два шага навстречу, и многие вопросы решаются просто на глазах.

Использую тактильные методы, имею в карманах сахарок, кусочки жмыха, пластилин, комки соли-лизунца, кто что любит, короче, кто что заслужил. Руководить люблю со вкусом.

А вот с запахами пока не работал. Я их не чувствую практически, поэтому поле для меня новое, надо покрыть его костями.

Барин занят

Весь день в железной уруситской шапке провожу совещания. Люди смотрят на мой загар и сбиваются в цифрах от ненависти, сжимающей их горло. Сипят, пьют воду.

Без меня приняли на работу довольно много разных людей. И эти люди меня не видели, а слухи, ходящие по закопчённым этажам, воспринимают по молодой привычке за шутки.

Они ещё не знают, что на моей живодёрне от лёгкой иронии в адрес начальства перешло больше служащих, чем от эпидемии сыпного тифа, которая внезапно вспыхнула у нас на корпоративе в прошлую зиму. Ну, когда ещё бухгалтерию прежнюю отпевали.

Очень злой, очень. Вторую рубашку выжимаю от злобной испарины.

Молодежь

Наши старшие дети только вступают в сложную систему лизания хозяев бизнеса. Они не теряются. Передают друг другу наработанные приёмы и методики.

Одна из методик доведения руководства до исступления и стонов – это «мы такие горячие! мы заводные! у нас бездна планов, которые губят косные менеджеры среднего звена! давайте устроим тренинг! давайте устроим мозговой штурм!»

Доверчивый хозяин идёт на мозговой штурм во главе горячих энтузиастов, специалистов по штурмам и психическим атакам. В итоге хозяин беснуется на бруствере окопа в гордом одиночестве, грозя бесполезной сабелькой неприятелю, кричит «ура! вперёд! за отечество!», а энтузиасты хлопают и кричат ему «браво!» из тёплой глубины окопов. Пока хозяина не торкнет догадка и он не сползёт в окоп, краснея от стыда.

Сегодня высказал молодым и горячим сотрудникам, пришедшим в субботу на очередной сеанс доказательства преданности, что я человек неприхотливый.

– Я, сотрудники мои, – говорю, – человек неприхотливый. Я в браке с пяти лет состою. Вот уже сорок добротных годочков, полных тихого счастья, в супружестве. Поэтому для меня даже петтинг – это и новинка, и счастье. А вы вот так на меня сразу любить кидаетесь, группово да с выдумкой. Я от этого теряюсь. Хотите отлизать мне мозг – сначала накормите, к примеру. Подарите букетик цветов. Что там ещё деревенским нравится? Повздыхайте, что ли, у дверей моего кабинета со значением. Подсуньте записку. Или даже открытку.

Но совещание проводить пришлось. Купаясь в сиропе. Такое неожиданное чувство. Два часа в малиновом желе.

По итогам совещания обвёл всех пытливым взором Н. Н. Миклухо-Маклая.

– Я так понимаю, совещания по субботам мы теперь будем проводить часто. Раз у вас фонтан потыренных идей и траченных молью наработок. Я вот даже не знаю, зачем я сосу вашу молодую кровь литрами. По вкусу – чистая вода комнатной температуры для полива офисных фикусов. Давайте вызовем охранников наших, от них бодрящей свежести больше получишь, чем от вас, ей-богу. Значит, решили, да?! Каждую субботу теперь совещание, по вашему почину.

А чтобы люди перестали нести херню на рабочих совещаниях, мы нарядимся. Да хоть бы и в индейцев! И с каждой новой порцией бреда станем снимать с себя по одному предмету одежды. Как вам такой тренинг и мозговой штурм?! Кто у нас тут HR? Вы? Не вы?! А кто?! Вы! Нет, теперь это точно вы! А не вы, вы уже попробовали. Записывайте. Совещание. Индейцы. Или русский народный хор. Успевайте записывать? Вот ручка, бумагу у соседа, ага, ручкой по бумаге, так, получается, вижу. Зря вы скромничали. Значит, переодеваемся и снимаем по одному предмету. Когда через двадцать минут мы окажемся голыми, начнётся разговор по существу. Я обратил недавно внимание на то, что голые люди редко несут околесицу про... про что? правильно – про системы мобильного обжига цистерн со следовым мазутным присутствием! На базе чего? На базе, хором отвечаем, подтолкните Бровкина, на базе полной переработки топливных остатков!

Ведь завораживающе, да?! Машина выжигает что-то чем-то из того, что выжигает! Это же Голливуд! Это Филипп Дик! Это Буковски! Рок Западного побережья! А вас послушаешь – мы сырые поленья в печь корявую суём. И все ваши предложения, что бы нам при этом напевать? Ай-люли? Мне спецэффекты нужны! Взрыв! Слева! Дым! Жар! Перекошенное лицо в кадре кричит «Мама, прости!», гусеницы крошат бетон, цистерны с воем несутся по небу! Раз! Ещё раз!..

А у вас... «В маленькой избушке брат сестру качает...» И это вы выдаёте за прорыв? Больно видеть!..

Ассистент

Иногда приступ противоестественных причин заставляет меня вызывать к себе в кабинет своего, господи прости, ассистента.

Раньше этот ассистент был секретаршей, всеми так воспринимался и, в принципе, был счастлив, как может быть счастлива девочка-гуманоид 152 см роста с четвёртым размером бюста. Мне кажется, что девочка радовалась самой возможности держать равновесие при ходьбе, не балансируя руками.

Когда девочку-гуманоида наша кадровая служба встрясла из дерюжного мешка на мраморный пол моего кабинета, я не поверил своему счастью. Даже подбежал к мешку и пошарил внутри его сначала левой рукой, а потом, нахмурясь, и правой. Не верилось, что это, в принципе, всё, и больше из мешка ничего не выпадет.

Я чувствовал себя немного обманутым. И потряс мешок, держа за углы, для верности ещё раз. Из мешка посыпалась какая-то ерунда и древесный сор. Больше, стало быть, для девочки в комплекте ничегошеньки не было.

– Это всё?! – с надрывом начал я.

– Всё! – ответила кадровая служба. – Берите это, другого не будет... Ваш коллега Вашенкин хотел и это у нас отобрать, но мы ему не дали, потому как его жена об этом просила.

– Надо мной все будут смеяться! Скажут, вон, посмотрите, идёт такой, а у самого секретарши по полтора аршина!

– Над вами и так все смеются, вы меняете секретарш каждые полгода. Мы надрываемся, потакая вашим необоснованным капризам.

– Разве секретарша-медсестра – это каприз?! – заплакал я, катаясь по ковру у панорамного окна. – Я подорвал здоровье на нашей живодеёрне, а в качестве бонуса получаю какого-то зловещего гнома! Я ведь очень долгое время был очень хорошим, мне полагается поощрение... Я перестал пропускать заседания правления, нашёл у себя тот самый договор, из-за которого всю бухгалтерию полгода назад уволили, я снова отнёс домой бильярд!..

Кадровая служба смотрела на меня безучастно. Она ведь тоже была когда-то моей секретаршей.

– Брать будете?!

– А давайте, – начал я сквозь рыдания, – а давайте мы ещё поищем...

– С вами никто не хочет работать, вы плюётесь!

– Я просто так разговариваю. Это темперамент!

– Это не темперамент! Вы плюетесь в сотрудников из трубочки! Вы кидаетесь в них бумажками!

– Я больше не буду! Никогда!.. – Я задумался, а потом махнул рукой: – Никогда!

– Девушка поработает у вас месяц, а потом мы её заберём, если раньше её не сведут в могилу ваши методы, если она не повесится в психушке или не подожжёт наше офисное здание. Мы пока не можем представить последовательность её действий, но догадываемся о векторе.

Я зашмыгал и посмотрел на гнома. Гном шуршал в углу моей подшивкой «Хастлера».

– Сволочи вы все! – крикнул я. – Гадюки! Дайте хотя бы новый монитор и массажное кресло! Давайте торговаться! Давайте возродим традиции волжского купечества!

– Вы их уже возродили. Посмотрите вокруг себя! Ваше барство ставит нас на грань выживания. Мы вынуждены набирать персонал, останавливая в морозной степи под Сызранью поезд скорого сообщения и выволакивать на арканах обезумевших пассажиров, направляющихся в Москву из Владивостока. Мы разлучаем семьи! Программисты работают в цепях, отдел стратегического планирования сидит на опиатах, рекламщики вспоминают по полчаса,

кого как зовут, служба безопасности не успевает предотвращать побег и перехватывать малявы на волю...

– Я так понимаю, что не будет нового монитора? – поник я у камина, опустив голову на поджатые колени. – Не будет мне нового монитора, не будет!

Прошло с той поры уже два с лишним года.

Секретарша стала ассистентом. А на душе у меня прежняя обида.

Лена, выздоравливай!

Секретарь Лена

Некоторое время буду, вероятно, записывать свои уже подзабытые ощущения от работы.

Конечно, если бы я катал по шатким мокрым доскам тачки с отвальным грунтом весь световой день в ожидании вечерней баланды, то записывать свои впечатления мне было бы затруднительно. В минуты неожиданного отдыха (нормировщика станиной пришибло насмерть или порезали кого из капризного блатного озорства) я бы не кидался к огрызку карандаша и селёдочной бумаге для фиксации пережитого. У меня было бы множество неотложных дел. Я бы мог искать грунь-траву, помогающую при фурункулёзе, или собирал бы в негнущиеся от стылой ломоты ладони водянистую шикшу, обгладывал лишайник на валуне, длинными ногтями прочёсывал швы на робе...

А так как я надрываюсь до кровавого пота по кабинетам со столами из стекла и хрома, с картинами в чёрных рамах на прозрачных думчатых стенах, то краткая минута для рефлексии у меня найдётся.

Вот, например, моя секретарь Лена.

Она очень восторженная девушка. И считает, что в жизни всегда есть место позитиву.

Родом она из посёлка Шлюзовой, а там вполне жить не умеют! Если веселье, то такое, что шлюзы открывают на всю ночь, и по фарватеру, на пороги, несутся обезумевшие баржи, врезааясь в пассажирские теплоходы. Маленький лобастый буксир ещё пытается отвернуть от неизбежного, команда ещё надеется, вцепившись друг в друга, но зрителям уже всё понятно. Горит разлитая из танкера нефть. Горит и сам танкер, заваливаясь левым бортом.

В Шлюзовом иначе отдыхать не умеют. Звучат песни, визжит гармонь, возносится к небу в чёрных клубах окисляющихся углеводородов колокольный звон. Качаются в верёвочных петлях отец Евдоким и отец Евстихей. Перепуганные цыгане мечутся по переулкам, путаясь в колючей проволоке и разыскивая своих украденных детей. Если в Шлюзовом свадьба, то в небо дополнительно пускают голубей.

Конечно, такое житьё на людях сказывается всё сильнее от поколения к поколению. Нынешние и клей нюхать перестали. Незачем уже.

Вот и Лена у меня постоянно чему-то радуется.

– Джо-о-он Алекса-а-а-ндрович! Здесь та-а-акое случи-а-ась!

Радость! Счастье! И глаза – в полнеба! И носик чуть вздёргивается и морщится, как от весёлой газировки в парке, когда тебе только семь и впереди ещё очень много чего.

Человек неопытный, человек, который плохо знает Лену, увидев такую звенящую красоту, немедленно жаждет прижать её к груди, закружить по осеннему лесу, хохоча от счастья. Бежать, ловко вороша ковёр опавших листьев, к ЗАГСу! Любить и быть любимым!

Но я – человек опытный, поэтому, услыша Ленин бубенец, я немедленно молча падаю на бок вместе с креслом и ловко перекатываюсь за тяжёлый книжный шкаф.

– Что случилась, милая?! – притворно равнодушно спрашиваешь, трясущимися руками запихивая в подствольный магазин патроны с картечью. – Кому-то понадобилась наша помощь? Давай же, ангелёнок мой, немедленно поспешим её оказывать!

Сам в это время тряско достаешь фальшивые паспорта из панически распахнувшегося сейфа и записываешь по карманам, много просыпая на пол, радужные, остро пахнущие бегством пачки.

– Джо-о-он Алекса-а-а-ндрович! Звонили с объекта, там...

А уже можно не слушать. И так понятно, что там, на объекте. Там уже, наверное, в бочке варится прораб, строители объявили джихад и режут разбежавшихся по стройке кяфиров и шайтанов из УФМС, в гудрон заживо закатывают верещащего представителя архитектурного управления, всё это дело снимает телевидение. К телекамере подскакивает лидер таджикского

сопротивления и предъявляет в камеру мой портрет, на котором меня зовут Зульфикар и я в зелёной чалме явственно сомневаюсь в эффективности властной вертикали. «Он! Он поведёт нас!..»

В последний раз, когда я слышал Еленино ликование, половина правления оказалась в наручниках, а вторая половина, утираясь явками с повинной, давала показания на первую, торопя уставших записывать следователей, особенно упирая голосом на контракты и переводы «фирмам, имеющим явные признаки анонимности».

Стратегия

– Стратегия наша, друзья, проста, – сказал я вчера вечером притихшим собравшимся. – Бабы хотят замуж и купят всё, что может им в этом деле помочь. Ваша задача – придумать, как может им помочь выйти замуж мобильная система обжига цистерн с дизельными следовыми остатками... Сделайте упор на то, что система размещается на базе грузовика МСФ, уверен, это мотивирует. Разотрите уши упавшим башкой на стол. Это сбалансирует кровоснабжение мозга. Яростнее. Пока не пойдёт кровь из носа. Да, я ходил на специальные курсы. Хорошо.

Барин занят – 2

Сегодня с вялой надменностью, ставшей в последнее время моим фирменным состоянием, катался в новом автомобиле по городу, рассматривая через дымчатое стекло диковины летней городской жизни, особенно впечатляющие при +38 в тени.

Конечно, мне было бы гораздо лучше в своей загородной избушке пережить это горячее дыхание Сахары, воскрешающее в моей памяти белые знойные ужасы Танжера. Лежал бы в бассейне, например, лениво шевеля ногами, катая во рту замороженную черешню в шампанском. Или читал бы с полотенцем на шее старые журналы на веранде под виноградной тенью, распивая чай под звуки расположившегося на коврах ансамбля заслуженных аксакалов (дутар, зурна, кямянча).

Но мне нравится, расправляя грудь, называть своё вынужденное пребывание в городской черте «работой».

Раскинувшись на заднем сиденье с вишнёвым сорбетом, дышал обманчивым холодом кондиционера, помахивая в такт музыке ложечкой с монограммой. Разглядывал людей.

Обратил внимание, например, что особенно жалко мне бредущих в асфальтовом мареве бородачей. Сегодня они мне почему-то часто попадались на глаза. Мужчины с бородой в расплавленном городе смотрятся особенно печально. К их вечному изумлению в глазах примешивается ещё и специфическое предобморочное отчаяние заброшенности.

Многие производят достоверное впечатление беглых, пробирающихся на Дон. Многим остро не хватает портрета государя-императора на вздетых ввысь худых руках, пропотевшего кителя со следами споротых погон и обвисшего вещевого мешка. Хотелось пару раз остановиться, спросить про «не нужна ли помощь?!», услышать в ответ хриплое и торопливое: «Пробираюсь на Дон, к генералу Каледину, средства имею самые недостаточные... штабс-капитан... дважды ранен в Карпатах... с бантом и мечами... чем можете, как офицер офицеру...»

Удержался. Решил быть жестокосердным сегодня. И завтра тоже.

Всех под брезент, короче говоря.

Ворона

Я могу дать совет любому руководителю как мирового (это я про себя), так и локального уровня.

Чтобы коллектив, который мается под вашим безумным (это я про себя) руководством, почувствовал себя счастливей, чтобы он сплотился, чтобы он стал ресурсным, цельным и хорошим, то есть чтобы коллектив стало возможно совершенно безжалостно эксплуатировать, выжимая из него все жизненные соки, а он бы за это ещё и говорил вам устало, но счастливо: «Спасибо, ты самый лучший», – дайте коллективу живой талисман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.